

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРОВА Алёна Игоревна

Выпускная квалификационная работа

Очерк Б.К. Зайцева «Сергий Радонежский» и Житие прп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого. Сопоставительный анализ.

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5611. «Русская литература»

Профиль «Русская литература»

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
Кафедра русской литературы,
Рождественская Милена
Всеволодовна

Рецензент:
доцент, «Санкт-
Петербургская духовная
академия»
Аверина Светлана Андреевна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление:

Введение

Глава I. Раннее творчество Б. К. Зайцева в оценке критиков и литературоведов

Глава II. Христианские основы художественного мира Б. К. Зайцева

2.1. Православное монашество в творчестве Б. К. Зайцева эмигрантского периода.

2.2. Концепция «русской святости» в житийном очерке Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»

Глава III. Особенности авторского повествования Епифания Премудрого

3.1. Стиль Епифания Премудрого в контексте современной агиографии Московской Руси

3.2. Особенности стиля «Жития Сергия Радонежского»

Глава IV. Сопоставительный анализ очерка Б. К. Зайцева «Сергий Радонежский» и жития преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого

Заключение

Список использованной литературы

Введение:

Преподобный Сергей Радонежский – православный русский святой, игумен русской Церкви и основатель ряда монастырей, в том числе Троице-Сергиевой Лавры. Павел Флоренский назвал его «ангелом-хранителем России»¹, а агиограф Епифаний Премудрый в житии Сергия Радонежского часто использовал эпитет «ангельский» по отношению к нему.

Праведная жизнь святого, проведённая в труде и молитве, вдохновляла не только монахов и членов Церкви – его образ нашёл своё воплощение в живописи (М. В. Нестеров «Видение отроку Варфоломею», триптих «Труды Сергия Радонежского», Н. К. Рерих «Святой Сергей Радонежский», В. М. Васнецов «Святой Сергей Радонежский»), скульптуре (А. В. Логановский – горельеф на храме Христа Спасителя), художественной литературе (Б. К. Зайцев «Преподобный Сергей Радонежский», Д. М. Балашов «Святая Русь», И. С. Шмелёв «Куликово поле») и др.

Писатели русского зарубежья, особенно Б. К. Зайцев и И. С. Шмелёв, в эмиграции считали своей миссией приобщение соотечественников и западного мира к главному сокровищу Святой Руси и русской культуры – православной вере.

Житийный очерк «Преподобный Сергей Радонежский» стал для Б. К. Зайцева переломным моментом на творческом пути: изменения, которые произошли в его мировоззрении в период эмиграции, побудили писателя искать духовные основы в православной вере. Он занимался поисками истоков русской святости, стремился сохранить и приумножить память о подвижниках, монастырях и духовной жизни русского народа. Жизнеописание преподобного Сергия, «игумена русской земли», стало одним из самых ярких и серьёзных его опытов в этом деле.

¹ Флоренский П. А. Православие / Христианство и культура. М.: Фолио, 2001. С. 492.

Писатель не просто создал ещё одну версию жития Сергия Радонежского – он стремился напомнить русскому народу о его истоках и о тех добродетелях святого, память о которых хранится и передаётся из поколения в поколение. Для Б. К. Зайцева жизнь преподобного была примером духовного подвига, который преображал мир вокруг. А. М. Любомудров писал: «Создавая книгу о Сергии, Зайцев не пошел по пути беллетризации истории – ему были важны реальные черты личности и суть деятельности великого подвижника, и в этом отношении «Преподобный Сергий Радонежский» ближе к созданным позднее биографиям «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»².

На протяжении всего житийного очерка Б. К. Зайцев в первую очередь акцентирует внимание на качествах Сергия Радонежского как человека, а не как служителя Церкви. Этот подход расходится с понятиями житийного канона. Т. Д. Руди считала, что «Цель агиографа не воссоздание исторически достоверной биографии, а выявление сути и вневременного содержания подвига святого, земная жизнь которого была путем к Богу. Поэтому агиограф зачастую сознательно лишает своего героя индивидуальных, «земных» черт и оставляет в его образе лишь типическое и «небесное»³. Эту тенденцию мы можем наблюдать в житии Епифания Премудрого.

Таким образом, **актуальность** нашего исследования обусловлена необходимостью изучения качеств личности Сергия Радонежского в контексте не только житийной, но и «светской» литературы. На наш взгляд, подробное исследование образа святого позволит составить его житийный портрет и обозначить круг характеристик, позволяющих отнести его к образцу русской святости.

² Любомудров А. М. Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII-XIX веков / под ред. Ю. В. Стенника. СПб., 1992. С. 267.

³ Руди Т. Д. Жития святых / // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 285.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые сопоставительный анализ житийного очерка Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» и жития Епифания Премудрого «Преподобного и богоносного Отца нашего, игумена Сергия Чудотворца» стал объектом аксиологического анализа.

Цель данной работы состоит в изучении особенностей репрезентации образа Сергия Радонежского в очерке Б. К. Зайцева «Сергий Радонежский» и житии преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд **задач**:

1. Изучить творчество Б. К. Зайцева в оценке критиков и литературоведов;
2. Выявить черты православного монашества в творчестве Б. К. Зайцева эмигрантского периода;
3. Выделить концепцию «русской святости» в житийном очерке Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»;
4. Изучить особенности авторского повествования Епифания Премудрого;
5. Провести сопоставительный анализ очерка Б. К. Зайцева «Сергий Радонежский» и жития преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы**:

1. Сравнительно-сопоставительный – при сопоставлении текста жития преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого и очерка Б. К. Зайцева «Сергий Радонежский»;
2. Анализ – при изучении литературных и научных источников, а также исследования особенностей поэтики и идейно-смысловой составляющей изучаемых текстов.

3. Абстрагирование – при определении жанра произведений, а также характеристики стиля повествования.
4. Обобщение – при формировании общего вывода, основываясь на сопоставительном анализе текстов.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует множество вариантов «Житий преподобного Сергия Радонежского». Первоисточником является житие, написанное в 1418 г. Епифанием Премудрым. Во второй половине XV в. текст «Жития» был значительно переработан агиографом Пахомием Логофетом и дошел до наших дней в пяти различных редакциях. **Материалом** для нашего исследования послужит текст жития из «Библиотеки литературы Древней Руси», который «представляет собой компиляцию, составленную в XVI в. на основе других редакций»⁴. Вместе с тем будет рассматриваться текст житийного очерка Б. К. Зайцева, приведённый в 7-м томе «Святая Русь: Избранная духовная проза» его полного собрания сочинений⁵.

Объект изучения – особенности репрезентации образа Сергия Радонежского в очерке Б. К. Зайцева «Сергий Радонежский» и житии преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого.

Предмет изучения – качества личности Сергия Радонежского, представленные в житии Епифания Премудрого и житийном очерке Б. К. Зайцева.

Теоретическую базу данного исследования составляют труды критиков и литературоведов, посвящённые анализу поэтики Б. К. Зайцева: Г. В. Адамовича, М. В. Ветровой, З. Н. Гиппиус, П. В. Грибановского,

⁴ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

⁵ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. 526 с.

А. М. Любомудрова, Т. Ф. Прокопова, А. Н. Топоркова и др. Также оказались полезными работы учёных, которые занимались исследованием жанров и поэтики Древнерусской литературы, в том числе сочинений Епифания Премудрого: В. П. Адриановой-Перетц, С. В. Жилякова, В. О. Ключевского, Д. С. Лихачёва, В. Д. Петровой, А. М. Ранчина, В. Н. Топорова, Г. П. Федотова и др.

При написании выпускной квалификационной работы также были использованы словари: Большой толковый словарь С. А. Кузнецова, Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Словарь книжников и книжности Древней Руси под ред. Д. С. Лихачёва. Также в работе использовались различные энциклопедические источники: Православная энциклопедия (Т. 19), Литературная энциклопедия (Т. 4) и др.

Структура работы – введение, четыре главы, заключение и список используемой литературы.

Во введении определяются актуальность и научная новизна исследования, его объект, предмет, материал, также сформулированы цели, задачи, описана теоретическая база.

В первой главе представлен обзор раннего творчества Б. К. Зайцева в оценке критиков и литературоведов.

Во второй главе выделены христианские основы художественного мира Б. К. Зайцева, черты которых появились в эмигрантский период его творчества. Также здесь описывается концепция «русской святости» и православного монашества в житийном очерке Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» и других его произведениях позднего периода.

В третьей главе раскрываются особенности авторского повествования Епифания Премудрого, исследуется стиль его житий в контексте современной агиографии Московской Руси.

В четвёртой главе проводится сопоставительный анализ очерка Б. К. Зайцева «Сергий Радонежский» и жития преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого.

В заключении сформулированы основные результаты исследования.

Глава I. Творчество Б. К. Зайцева в оценке критиков и литературоведов

Б. К. Зайцев – представитель Серебряного века русской литературы, творчество которого также входит в контекст литературы русского зарубежья. Творческое наследие Б. К. Зайцева (1881-1972) стало широко известно на его родине в 1980-х годах. В этот период читающая советская публика СССР узнала «нового» русского писателя эмигрантского периода, книги которого не издавались более пятидесяти лет в родной стране. Сферу его интересов представляли описание жизни России до и после октябрьского революционного переворота («Аграфена», «Дальний край», «Голубая звезда», «Улица св. Николая», «Золотой узор», «Верность», «Усадьба Ланиных» и др.), судьба человека в эмиграции («Дом в Пасси», тетралогия «Путешествие Глеба» и др.), а также «житийные портреты» («Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек», очерки о Серафиме Саровском, Иоанне Кронштадтском, Патриархе Тихоне и др.) и беллетризованные биографии русских писателей («Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов», «Жизнь с Гоголем», «Тютчев – жизнь и судьба», «Максим Горький» и др.). В первую очередь он был известен в эмигрантской среде как писатель-публицист, автор мемуарной прозы, по которой мы можем проследить трансформацию как его мировоззрения, так и поэтики. Произведения Б. К. Зайцева с самого начала творческого пути тяготеют к жанру биографии. Он известен как писатель-неореалист, который сформировался под влиянием художественного и литературного круга Москвы и Санкт-Петербурга (в частности, благодаря Л. Н. Андрееву).

В литературной критике мы отмечаем противоречивые суждения о писателе. Н. Струве называл Б. К. Зайцева «писателем-праведником»⁶, его

⁶ Струве Н. А. Писатель-праведник / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 496.

биограф Т. Ф. Прокопов⁷ и литературный критик А. Н. Топорков – «лириком»⁸, исследователь А. М. Любомудров «иноком»⁹, а сам он себя именовал «импрессионистом» и «акварелистом»¹⁰. Показательно его преобразование как писателя, следовавшего идеалам Серебряного века, в глубоко религиозного художника.

Путь Б. К. Зайцева обычно разделяют на два периода – до эмиграции (1901-1922) и эмигрантский (1922-1972). К первому относятся его малочисленные публикации рассказов, а также участие в литературной жизни Петербурга и Москвы. Как известно, Б. К. Зайцев в 1900-х гг. являлся членом телешовского литературного кружка «Среда» (названного по имени писателя Н. Д. Телешова). Именно здесь начался его литературный путь. В состав кружка входили не только писатели (И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. К. Толстой, А. М. Горький, И. С. Шмелёв, И. А. Пильняк, А. И. Куприн), но и художники, артисты и театральные деятели (А. М. Васнецов, Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, А. М. Южин, М. Н. Ермолова). Отметим, что эти встречи носили не политический, а дружеский характер. Б. К. Зайцев вспоминал: «... на «Среде» держались просто, дружественно; дух товарищеской благожелательности преобладал. И тогда даже, когда вещь корили, это делалось необидно. Вообще же это были московские, приветливые и «добрые» вечера. Вечера не бурные по духовной напряженности, несколько провинциальные, но хорошие своим гуманитарным тоном, воздухом ясным, дружелюбным (иногда очень уж покойным)»¹¹. На этих собраниях писатели читали свои ещё не опубликованные произведения, чтобы получить суждения

⁷ Прокопов Т. Ф. "Все написанное мною лишь Россией и дышит..." / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 2. Улица святого Николая. Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. С. 440.

⁸ Топорков А. Н. О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно, 1907, №10. С. 46.

⁹ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 6.

¹⁰ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 415.

¹¹ Калашиников В. А. «Среда» // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 7. / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1972. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 12.11.2020)

о них со стороны. Квартира писателя Н. Д. Телешова на Покровском бульваре в Москве стала тем местом, где создавалась русская литература, наследующая классические традиции. Именно эту литературу принято считать «неореализмом» начала XX века.

Влияние авторитетных писателей на творчество Б. К. Зайцева неоднократно подчёркивалось им самим в его мемуарах¹². Знакомство с Л. Н. Андреевым в юном возрасте вдохновило писателя и определило дальнейший вектор его творчества. Б. К. Зайцев вспоминал, как возвращался с дачи своего друга и «почувствовал ритм, склад и объем того, что напишу по-новому. Нечто без конца-начала»¹³. Через месяц Л. Н. Андреев напечатает его повесть «Ночь» в московской газете «Курьер» (1901), однако впоследствии сам Б. К. Зайцев её «забракует».

В 1906 г. в издательстве «Шиповник» вышла в свет первая книга Б. К. Зайцева «Рассказы» в оформлении М. В. Добужинского, имевшая большой успех у читателей. Сам автор вспоминал, что именно «Ночь» послужила вдохновением для этой книги.

Кроме телешовского кружка, Б. К. Зайцев был участником встреч на знаменитой «Башне» Вяч. И. Иванова. Члены этого литературного сообщества обсуждали эстетические и философские вопросы, читали стихи. Русская художественная элита, духовенство, интеллигенция – весь культурный Петербург принимал участие в «средах» Вяч. И. Иванова (А. Белый, А. А. Блок, Ф. К. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, А. А. Ахматова, В. В. Розанов, В. Э. Мейерхольд, М. А. Волошин, В. В. Хлебников, А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, Л. С. Бакст,

¹² Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 615 с.

¹³ Там же. С. 411.

М. В. Добужинский и др.). В большинстве своём члены этого кружка являлись символистами.

Б. К. Зайцев в свой «российский» творческий период активно занимался духовными исканиями, заводил новые знакомства, постепенно включаясь в литературную жизнь России. Его современник, Георгий Адамович, писал о характере своего друга как об очень впечатлительном и любопытном по своей природе: «Отсутствие опыта, неизбежная общая наивность искупаются в них непосредственностью отклика, нерастраченной способностью восхищаться, любить, отзываться и даже "обливаться над вымыслом слезами"»¹⁴. Благодаря пытливому уму и чертам своего характера Б. К. Зайцев обратился к философии символизма – самом популярном течении в русском искусстве начала XX-го века.

Современные исследователи творчества Б. К. Зайцева (А. М. Любомудров, Т. Г. Петрова, К. А. Жулькова, Е. Е. Анисимова, П. В. Коряков, Ю. В. Митина, О. Г. Князева и др.) в основном занимаются исследованием темы религиозности и истории православного монашества и истории русской церкви в его произведениях. Однако, эта тема практически не встречается в доэмигрантской прозе писателя. Исследователь творчества Б. К. Зайцева, П. В. Грибановский, писал, что «в ранних произведениях Б. Зайцева чувствуются и сомнения, и поиски. Но эти поиски скорее религиозно-мечтательны и мечтательно-элегичны. Они еще очень далеки от Церкви. И когда в его зарисовках появляется церковь-храм, то она чаще всего лишь элегическое украшение пейзажа, перенесенное, казалось бы, с полотен любимого живописца – Нестерова»¹⁵.

Наиболее значительное влияние на раннее творчество Б. К. Зайцева оказали умонастроения, которыми были увлечены литераторы-символисты

¹⁴ Адамович Г. Борис Зайцев // Одиночество и свобода. СПб: Алетея, 2002. С. 66

¹⁵ Грибановский П. В. Борис Зайцев о монастырях // Вестник РСХД, 1976. №Ц7. С. 32.

(А. Белый, Л. Н. Андреев, Д. С. Мережковский, А. А. Блок, З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб и др.). Ранние произведения писателя тяготеют к веяниям, популярным в творчестве писателей Серебряного века – буддизму, космизму, пантеизму.

Публицист и критик А. С. Глинка, публиковавшийся под псевдонимом Волжский, в «Литературных заметках» соотносит религиозные мотивы в прозе автора с идеологией восточной философии буддизма. Согласно видению критика, писатель «понижает жизненный пульс как в буддийской нирване, как в восточной аскезе»¹⁶.

Богослов, церковный историк и современник Б. К. Зайцева, архим. Киприан Керн, писал, что кажущийся пантеизм прозы писателя на самом деле «какое-то подсознательное, неуловимое ощущение божественной иконы мира, его неомраченных световых истоков»¹⁷.

В мемуарах Б. К. Зайцев подчёркивал связь своих взглядов с пантеизмом на ранних этапах творчества. Он писал, что со временем в его произведениях «отходит полная бессюжетность», а также «начинают проступать мотивы религиозные («Миф», «Изгнание») в христианском духе»¹⁸. В литературно-политических тетрадах "Возрождение", напечатанных в Париже в 1957 году, писатель подробно рассказывает о процессе создания первых произведений и об их идейной составляющей.

Он «начал с импрессионизма»¹⁹, а его творчество – «чисто поэтическая стихия, избравшая формой не стихи, а прозу»²⁰. Сам писатель не утверждал, что подражал кому-то из писателей в своей манере, но он указывал влияние на

¹⁶ *Волжский (Глинка А. С.)* Литературные заметки (о рассказах гг. Б. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева) // Вопросы жизни, январь 1905, №1, С. 274.

¹⁷ *Архимандрит Керн К.* Литература и жизнь. Борис Зайцев // Возрождение. Париж, 1951. № 17. С. 160.

¹⁸ *Зайцев Б. К.* О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 425

¹⁹ Там же. С. 411.

²⁰ Там же.

него «атмосферы» символизма, сложившаяся под влиянием французских и русских символистов. «Модернизм, пришедший на смену реализму, выдвинул во главу угла построение новых отношений литературы и реальности, создание искусства антимиметического, не подражающего реальности, а существующего независимо от нее»²¹.

Влияние западного символизма (из которого вышла философия старших символистов) на раннее творчество Б. К. Зайцева было несколько поверхностным. Французский декаданс, повлиявший на русскую культуру начала XX-го века, основывался на антиценностях (с точки зрения христианства). Первые русские символисты опирались на идею Ницше о сверхчеловеке, развивали идею «отчужденности» поэта от толпы и обращались к символам только через призму своего Я. Близкое знакомство Б. К. Зайцева со старшими символистами позволило ему расширить круг идей и смыслов, которые можно было воплотить в новой реалистической прозе.

Однако, ближе молодому писателю оказалась идейная основа младосимволистов. На это указывает его постоянное обращение к сочинениям одного из главных философов-теоретиков младосимволизма, Владимира Соловьёва. Многие исследователи творчества Б. К. Зайцева утверждают, что именно влиянием философии младосимволизма можно объяснить первые обращения писателя к христианству. В упомянутом мемуарном очерке писатель отмечает, что именно «Соловьёв первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере»²².

В духе литературного сообщества начала XX-го века многие современники писали критические статьи о творчестве друг друга. Это была традиционная практика, что подтверждает также существование

²¹ Иванова Е. В., Щербаков Р. Л. Альманах В. Я. Брюсова «Русские символисты»: судьба участников // Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX-XX вв. Блоковский сборник XV. Тарту: Tartu University Press, 2000. С. 38.

²² Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 411.

вышеупомянутых литературных кружков. Так Г. В. Адамович в воспоминаниях «Одиночество и свобода» писал об особенностях ранних произведений Б. К. Зайцева следующее: «У Зайцева содержание всегда неразрывно связано с тоном повествования и даже в нем наполовину и заключено <...> фразы, обрывающиеся там, где ждешь их продолжения; краски, светящиеся, почти прозрачные, акварельные, ни в коем случае не жирные, масляные; какой-то вздох, чудящийся во всем сказанном, что-то вполне земное, однако с оттенком "не от мира сего"..."»²³.

Лёгкость и непринуждённость манеры письма Б. К. Зайцева отмечал и А. Н. Топорков: «Все картины Б. Зайцева проникнуты этим чувством новизны, объята первым весенним воздухом. Самое обыденное <...> привлекает его внимание. Его писания были бы отрывисты и мелочны, если бы не были так невинны и живы, как только что сорванные цветы»²⁴. Эти черты являются типичными для писателей-символистов. Кроме того, сам Б. К. Зайцев определял свой «раннее писание» как «чисто поэтическую стихию, избравшую формой не стихи, а прозу»²⁵. Писатель также вспоминал, что в печати его часто называли "поэтом прозы".

В критической статье на первый сборник рассказов Б. К. Зайцева в издательстве «Шиповник» (1906) В. Брюсов писал, что «рассказы г. Зайцева – это лирика в прозе и, как всегда в лирике, вся их жизненная сила – в верности выражений, в яркости образов»²⁶.

Помимо философии символизма, на творческую манеру Б. К. Зайцева в значительной мере повлияли его «итальянские путешествия». По словам А. М. Любомудрова с 1904 г. писатель часто посещал Италию, которая «стала

²³ Адамович Г. В. Борис Зайцев // Одиночество и свобода. СПб: Алетея, 2002. С.61.

²⁴ Топорков А. Н. О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно, 1907, №10. С. 39

²⁵ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 413.

²⁶ Брюсов В. Борис Зайцев. Рассказы. СПб., изд. "Шиповник", 1906. // Золотое руно. М.: 1907. № 1. С. 78.

его второй духовной родиной»²⁷. Известен цикл очерков Б. К. Зайцева, которые вошли в его книгу, «Италия» (1918), а также перевод «Ада» Данте ритмизованной прозой.

Позднее знакомство с художественной средой Петербурга и Москвы помогло Б. К. Зайцеву издать пять сборников рассказов и его первый роман «Дальний край» (1912). В мемуарном очерке «О себе» писатель отмечает, что «Дальний край» был «полон молодой восторженности, некоторого прекраснотушия наивного – Италия вносит в него свой прозрачный звук»²⁸.

Удивительно, что политические события, происходившие в России и в мире в начале XX-го века, мало волновали Б. К. Зайцева. В мемуарах он писал, что «великая война внешне не отразилась на моем писании»²⁹. Сам Б. К. Зайцев назвал свою рефлексию на беспокойное революционное время «спокойной меланхолией», которая в полной мере отразилась в книге рассказов «Земная печаль». В этот же период меняется художественная манера писателя – символистские настроения постепенно приобретают черты типичного «зайцевского» реализма. Именно в годы революции, по словам А. М. Любомудрова, «от первых импрессионистических рассказов-поэм Зайцев постепенно перешел к сюжетным произведениям, написанным в «тургеневско-чеховской» манере»³⁰.

Современник Б. Зайцева, литературный критик А. Н. Топорков в статье «О новом реализме» (1907) заметил, что творчество писателя «сугубо реалистично»³¹. Но его отличие от реалистов предыдущего поколения

²⁷ Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 532.

²⁸ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 425.

²⁹ Там же. С. 426.

³⁰ Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 533.

³¹ Топорков А. Н. О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно, 1907, №10. С. 39

(«Бальзака, Гоголя, Золя, Боборыкина»³²) заключается в том, что он является реалистом «новой реальности». По замечанию А. Н. Топоркова «символизм был великим освободителем <...> он показал скрытность нового бытия»³³. Критик отметил, что «действительность стала символом», и благодаря символизму «человеческий дух почувствовал радость новых встреч»³⁴. И именно Б. К. Зайцев был одним из тех, кто считался реалистом в новой, «символистской» реальности.

Революционный переворот 1917 года и окончательное самоопределение Б. К. Зайцева как писателя-реалиста стали конечной точкой раннего этапа его творчества. Зайцев писал, что «в 1918 г., в самом начале революции, появилась повесть, которую я считаю самой полной и выразительной из первой половины моего пути – "Голубая звезда"»³⁵. В ней, по словам автора, отразилась «прозрачность» и «духовность». Как пишет А. М. Любомудров, «в судьбах ее героев (напоминающих отчасти персонажей Ф. М. Достоевского), картинах литературной и театральной жизни Москвы есть предчувствие крушения непрочного мира»³⁶. Б. К. Зайцев сам определил «Голубую звезду» как рубеж, на котором кончилось всё «дореволюционное – и в форме, и в содержании»³⁷. Кроме того, именно «страдания и потрясения» революции, по словам писателя, вызвали в нём религиозный подъём. Тот хаос, который происходил в России начала XX-го века и побудил Б. К. Зайцева обратиться к гармонии и «свету Евангелия»³⁸.

³² Там же.

³³ Топорков А. Н. О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно, 1907. №10. С. 39.

³⁴ Топорков А. Н. О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно, 1907. №10. С. 39.

³⁵ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 425.

³⁶ Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 532.

³⁷ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 425.

³⁸ Там же.

Таким образом, формальное деление творчества Б. К. Зайцева на доэмигрантский и эмигрантский период является несколько поверхностным. Именно события революционного переворота 1917 года стали показателем появления нового течения в творчестве Зайцева – «гармонии и света Евангелия, Церкви». Поэтому мы можем разделить творческое наследие автора на две эпохи: импрессионистская и символистская проза малых форм (1901-1918) и религиозно-философская проза средних форм (1918-1972). Об этой прозе пойдет дальше речь в нашей работе.

Глава II. Христианские основы художественного мира Б.К. Зайцева

2.1. Православное монашество в творчестве Б.К. Зайцева эмигрантского периода

Следующий этап в творчестве Б. К. Зайцева в полной мере начался после его эмиграции в Германию (Берлин) в 1922 году. Автор статьи о Б. К. Зайцеве в Православной энциклопедии, А. К. Клементьев, делится фрагментом из воспоминаний писателя: «Меня выпустили за границу для лечения, после сыпного тифа. Уехал, собственно, не из-за болезни, а потому, что в России писать и печататься стало для меня невозможно. ...За тридцать лет ни разу я не пожалел, что выехал»³⁹. Позже писатель становится вице-председателем Союза русских писателей и журналистов в Берлине, а впоследствии и в Париже (куда эмигрирует с семьёй год спустя и проживёт следующие пятьдесят лет).

В мемуарном очерке «О себе» Б. К. Зайцев отмечает, что в этот период «религиозное настроение, которое смутно проявлялось и ранее, в ударах же революции возросшее особенно, продолжало укрепляться»⁴⁰. Творчество писателя постепенно становится более осознанным, малые формы (рассказы, очерки, заметки) постепенно сменяются средними и большими (повести, романы, такие как «Золотой узор», «Дом в Пасси», «Преподобный Сергей Радонежский», «Анна», «Странное путешествие», «Авдотья-смерть» и другие). Меняется и тон его повествования. Сам Б. К. Зайцев назвал его «тон большего спокойствия и объективности»⁴¹. Члены его семьи и многие современники вспоминали, что он всегда скучал по родине, и именно Россия стала главным источником вдохновения для всего эмигрантского периода

³⁹ Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия. Т. 19.

⁴⁰ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 429.

⁴¹ Там же.

творчества писателя. Сам он писал, что «все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит»⁴².

Российскую тему в его творчестве отмечали и критики. Его современник Г. В. Адамович писал, что «Зайцев сострадателен к миру, пассивно-печален при виде его жестоких и кровавых неурядиц, но и грусть, и сострадание обращены у него именно к миру, а не к самому себе. Большею частью обращены к России»⁴³. По словам А. М. Любомудрова в эмиграции Б. К. Зайцев открывает «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда»⁴⁴. В этих словах он опирается на очерк писателя «Молодость-Россия». В нём Б. К. Зайцев прямо пишет о том, что он видел в России в то время и каково было его предназначение в литературе, которое он считал волей «Провидения»: «Революция <...> в эмиграции, дала созерцать издали Россию, вначале трагическую, революционную, потом более ясную и покойную – давнюю, теперь легендарную Россию моего детства и юности. <...> Те же писания мои <...> рождены Россией трагической. Это часть и моего жизненного пути. Россия терзающая и терзаемая»⁴⁵. Осмысление трагической судьбы Родины не только в свете событий октябрьского революционного переворота, но и в обращении к истокам «терзаний» русской земли (монголо-татарское нашествие, церковный раскол, дворцовые перевороты и пр.), стало основным мотивом творчества Б. К. Зайцева. И это осмысление у него проходило исключительно в религиозном ключе.

По мнению А. М. Любомудрова «Зайцев явил редкий в художественной литературе феномен: мало к кому из русских писателей XX века можно без

⁴² Там же. С. 428.

⁴³ Адамович Г. Борис Зайцев // *Одиночество и свобода*. СПб: Алетея, 2002. 476 с.

⁴⁴ Любомудров А. М. *Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза*. М.: Русская книга, 2000. С. 5.

⁴⁵ Зайцев Б. К. *Дни / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии*. М.: Русская книга, 2000.

оговорок применить определение православный»⁴⁶. Исследователь творчества Б. К. Зайцева, С. Р. Федякин, полагал что «за рубежом у Зайцева пробудилось православное ощущение мира. Поэтому очерки у него — не просто очерки, а, как на иконе, подобны светописи. Архимандрит Киприан его прозу назвал «иконой мира»⁴⁷.

В 1926 году Б. К. Зайцев опубликовал первый в эмиграции роман «Золотой узор». М. Цетлин в эмигрантском журнале «Современные записки» (Париж, 1926) написал рецензию на это произведение, где говорил, что «Роман становится, отчасти, хроникой этих лет, не переставая быть воспоминанием о личной жизни и судьбе»⁴⁸. «Тонкая одухотворённость» романа признана и самим Б. К. Зайцевым. Он писал, что «Золотой узор» «полон откликов "Ада" жизни тогдашней»⁴⁹. Религиозно-философский мотив здесь он видел в описанной в романе реакции на революцию. «Ад» революции в его последующих произведениях будет противопоставляться «Раю» Святой Руси, которая будет постоянно присутствовать в творчестве Б. К. Зайцева в годы эмиграции.

В работе «Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Шмелев И. С., Зайцев Б. К.» А. М. Любомудров показал уникальность творческого метода Б. К. Зайцева, который оформился в эмиграции. Исследователь определяет его как «духовный реализм»: «Значение Зайцева в истории русской литературы в том, что ему удалось в творчестве соединить художественный подход с последовательно религиозным, доказать, что православная сфера может быть как предметом искусства слова, так и мирозерцательной и

⁴⁶ Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 49.

⁴⁷ Архимандрит Керн К. Литература и жизнь. Борис Зайцев // Возрождение. Париж, 1951. № 17. С. 160.

⁴⁸ Цетлин М. Борис Зайцев. «Золотой узор» // Современные записки, 1926. №28. С. 473.

⁴⁹ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 430 с.

мировоззренческой основой художественного произведения»⁵⁰. Исследователь пишет, что «В центре художественных интересов писателя - православное монашество, смысл аскетического делания. В идейной атмосфере доминирует мысль о доверии Творцу и Его премудрому Промыслу, направляющему человека на путь спасения. Сверхзадача Зайцева - воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия»⁵¹.

Именно в период эмиграции Б. К. Зайцев обратился к теме монашества, святости, а также к древнерусским литературным жанрам – житиям святых. По свидетельствам А. К. Клементьева, первым произведением подобного рода стала житийная повесть «Преподобный Сергей Радонежский» (1924-1925), написанная «по заказу Христианского союза молодых людей (УМСА)»⁵². Сам писатель отмечал, что «тема эта никак не явилась бы автору и не завладела бы им в дореволюционное время»⁵³. В один ряд с этой повестью многие исследователи и критики (З. Н. Гиппиус, А. М. Любомудров, А. К. Клементьев) ставят серии путевых очерков «Афон» (1928) и «Валаам» (1936). Именно эти произведения считаются основными в творчестве Б. К. Зайцева, в которых наиболее полно раскрыта тема русского православного монашества и русской святости. А. М. Любомудров писал, что «он запечатлел образы архиереев и священников, монахов и простых мирян, которые на своем многотрудном земном пути обретали веру и сами светили миру своим примером и обликом»⁵⁴. Таков и преп. Сергей Радонежский, которому Б. К. Зайцев посвятил отдельный очерк.

⁵⁰ Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 226.

⁵¹ Там же. С. 225.

⁵² Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия. Т. 19.

⁵³ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 615 с.

⁵⁴ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 12.

Тесное знакомство Б. К. Зайцева с русским православным монашеством началось с путешествия на полуостров Афон (Греция) в 1927 году. В предисловии к одноимённым очеркам он писал, что приехал в святую землю «православным человеком и русским художником»⁵⁵. Писатель определял Афон как «особый мир, где приходится, не задумываясь, подчиняться сложившемуся здесь укладу жизни и своему проводнику-монаху, где все равно своей волей и соображениями ничего не прибавишь»⁵⁶. В этих очерках в полной мере проявился ранний дар «акварелиста» Б. К. Зайцева. Он не только знакомит нас с историей Афона и его святых, но и приводит жизнеописание греческих и русских монахов от истоков основания монастыря до начала XX-го века. П. В. Грибановский пишет, что писатель побуждает читателя «вникать в богослужения, любоваться старыми храмами и афонской природою, вдыхать ароматы, прислушиваться к шумам, радостно откликаться на "малиновый" перезвон колоколов русских»⁵⁷. В «Афоне» Б. К. Зайцев делает особый акцент на культурной преемственности России и Византии. Он описывает греческую богослужебную традицию и ищет в ней истоки старой России. Ритм жизни в Афонском монастыре возвращает писателя к истокам русской святости.

Как настоящий художник Б. К. Зайцев описывает черты афонских монахов, сравнивая их лица с византийскими собратьями: «крепкий и чистый лесной русский тип, заквашенный на Византии»⁵⁸, иконописными ликами, с лицами с полотен русских художников «запомнился и молодой монах-лодочник, с головой "поленовского Христа"»⁵⁹. Писатель воспринимает монашеский подвиг как часть повседневной жизни и ежедневного труда.

⁵⁵ Зайцев Б. К. Афон / Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 83.

⁵⁶ Там же. С. 86.

⁵⁷ Грибановский П. В. Борис Зайцев о монастырях // Вестник РСХД, 1976. №Ц7. С. 34.

⁵⁸ Зайцев Б. К. Афон / Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 127.

⁵⁹ Там же. С. 124.

Богослужение афонских старцев в его понимании – это «урок в битве за душу, за возвращение и воспитание высшего человека за счет низшего»⁶⁰.

Путешествие Б. К. Зайцева на остров Валаам (1935) было вторым случаем его близкого знакомства с русским православным монашеством. Проводя параллель между Афонским и Валаамским монастырями, писатель подчёркивал их отличные друг от друга черты. В очерке «Валаам» он писал, что «Здесь бьют волны, зимой метели ревут, северные ветры валят площади леса. Все громко, сильно, могуче. Лес – так вековой. Скалы – гранит и луда. Монастырь – так на тысячу человек»⁶¹. Такое описание отличается от виноградников и оливковых роц Афона. Эти монастыри олицетворяют две стихии – тёплый, благодатный юг и ветреный, аскетичный север.

Согласимся со мнением многих исследователей, что манера повествования Б. К. Зайцева в валаамском очерке близка к очерку афонскому. Он также следит за монастырским укладом, описывает монахов, их лица, поведение и ищет в этом исконно русские черты. Природа Севера кажется писателю очаровательной, особенно потому, что здесь находится настоящая Россия. Из писем жены Б. К. Зайцева, В. А. Зайцевой, своей подруге, В. Н. Буниной-Муромцевой, мы узнаём о подробностях этой поездки. Она писала: «Против нас Кронштадт. Были два раза у границы. Солдат нам закричал: «Весело вам?». Мы ответили: «Очень!» Он нам нос показал, а я перекрестилась несколько раз. Очень все странно и тяжело, что так близко Россия, а попасть нельзя. Но люди здесь очень, очень свои. Вообще Россию чувствуешь прежнюю»⁶².

Православное монашество в очерках Б. К. Зайцева было настолько объято ореолом чистоты, святости и ненарочитой «русскости», что, по словам

⁶⁰ Там же. С. 98.

⁶¹ Там же. С. 195.

⁶² *Зайцев Б. К. Другая Вера / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999. С. 293.*

А. К. Клементьева, «Эта книга побудила И. С. Шмелёва переписать свою раннюю работу «На скалах Валаама» (М., 1895) и выпустить кн. «Старый Валаам» (Ладомирская, 1938), изменив оценки и суждения, относящиеся ко времени знакомства с обителью»⁶³.

В критическом отклике на «Валаам» Б. К. Зайцева Г. В. Адамович писал, что «к благолепию иночества, к древнему, незыблемому складу его он подошел как будто с некоторой иронической небрежностью, с напускной рассеянностью, но, кажется, лишь затем, чтобы не отпугнуть читателя, чтобы прикинуться своим, мол, братом-интеллигентом, горожанином, скептиком»⁶⁴. Критик обращает внимание на то, что Зайцев отнюдь не интересуется тем, «как православие пришло к благолепию, миру и покою, он будто и не помнит: его влекут лишь выводы, результаты, итоги»⁶⁵. Г. В. Адамович удивляется зайцевской «гипертрофии нежности и сладости», он не понимает, почему писателя преимущественно интересует «деревянная церковка, тихий летний вечер, тихий старичок, толкующий о душе и ее спасении»⁶⁶.

Однако, П. В. Грибановский выражает своё несогласие с мнением критика Г. В. Адамовича. Он считает, что «... "скудостью быта" Б. Зайцев не только любуется. Видя этот подвиг, он и сам земно кланяется, просит молитв, готовится к исповеди и причастию. Он вмещает то, что может вместить, и с умилением склоняется перед теми, кто способен вместить большее. <...> И, разумеется, растроган он не только духовным подвигом, ибо довелось ему здесь увидеть чудом сохранившийся осколок утерянной когда-то им Руси и, увидев, испытать радость и душевно согреться»⁶⁷. Именно талант художника побуждает Б. К. Зайцева искать истоки русской святости в незначительных на

⁶³ Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 534.

⁶⁴ Адамович Г. Борис Зайцев // Одиночество и свобода. СПб: Алетея, 2002. 476 с.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Грибановский П. В. Борис Зайцев о монастырях // Вестник РСХД, 1976. №Ц7. С. 32.

первый взгляд вещах (убранство монастыря, поведение и внешний вид монахов). Б. К. Зайцев занимается созерцанием, и даёт читателю возможность понять духовные основы, на которых держится монастырская жизнь, дать их почувствовать по-настоящему. Писатель старается разглядеть духовную красоту, которая складывается сама собой вокруг монастыря по велению неведомой человеку силы.

Многие исследователи творчества Б. К. Зайцева проводили сопоставительный анализ очерков об Афоне и Валааме. Таким образом они изучали духовный путь писателя и находили следы его глубокой тоски по утраченной родине, по России. Г. В. Адамович писал, что «"Валаам" значительно глубже и цельнее афонских записок Зайцева»⁶⁸. А. М. Любомудров считает оба очерка равноценными как по особенностям повествования, так и по сюжетной составляющей. Исследователь писал, что «Зайцевым воссоздан, как не раз отмечалось в критике, "рай" <...> Зайцев точно так же, как в "Афоне", отразил одну грань Валаамского монастыря – "ощущение прочности и благословенное", светоносность и тишину этого мира. Но он не касается иных граней – скорбей, неизбежных на иноческом пути, духовных подвигов виденных им "простеньких" старцев – это и не входит в его задачу. Он весь захвачен духом словно вновь воскресшей Родины»⁶⁹. Историк философии и богослов В. В. Зеньковский писал о «незаконченности» очерков Б. К. Зайцева о русских монастырях. В журнале «Вестник русского студенческого христианского движения» (Париж, 1952) он писал, что «в Зайцеве, в его творчестве со всей силой обнажается раздвоение Церкви и культуры <...> В Церкви он ищет прежде всего ее человеческую сторону – тут ему все яснее и дороже. Особенно это чувствуется в двух его замечательных книгах об Афоне и Валаамском монастыре: все время при

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 12.

чтении этих книг ощущаешь, как Зайцев дорожит прежде всего своими «художественными переживаниями». <...> Отсюда эта нота незаконченности, которая чувствуется всюду в религиозных писаниях его»⁷⁰.

«Художественные переживания» сопровождают большинство очерков Б. К. Зайцева, повествующих о русских монастырях. В фильме «Эмигрант Борис Зайцев»⁷¹ из цикла «Русские в мировой культуре» его внуки вспоминают историю жизни своего знаменитого дедушки. Оказывается, писатель всё детство провёл вблизи Оптиной Пустыни, часто проезжал мимо неё, но ни разу не заехал в сам монастырь. Михаил Соллогуб, один из внуков писателя, вспоминает, что Б. К. Зайцев неоднократно жалел об этом, живя уже в эмиграции.

Это отмечают и исследователи творчества писателя. В частности, А. М. Любомудров писал, что «Саровская обитель не вызывала у него никакого интереса. И только в эмиграции, навсегда лишенный возможности поклониться этим святым местам, Зайцев постигает их великое духоносное значение и в своих очерках совершает мысленные паломничества в них»⁷². В очерке «Оптина Пустынь» (1929) Б. К. Зайцев рассказывает об оптинских старцах с особым трепетом. По примеру очерка об Афонском монастыре он подробно описывает их жизненный уклад: время подъёма, отхода ко сну, распорядок дня и пр. Центральной фигурой этого повествования является о. Амвросий. Писатель, подобно художнику, замечает все мелочи, которыми окружена вся благодатная жизнь оптинского старца: «Его жизнь такая: вставал *около четырех*, в постели умывался *теплой* водой, стоя на коленях. Келейник вычитывал ему правило, затем начиналось чтение писем (он получал их до

⁷⁰ Зеньковский В. В. Религиозные темы в творчестве Б. К. Зайцева // Вестник русского студенческого христианского движения, Париж, 1952. С.15.

⁷¹ Судиловский А. Эмигрант. Борис Зайцев // Фильм из цикла «Русские в мировой культуре». М.: Киностудия «Русский путь», 2013.

⁷² Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 16.

шестидесяти в день), и только к девяти, *напившись чаю*, выходил к посетителям. *Высокого роста, сгорбленный, ходил в ватном подряснике.* Когда снимал камилавку, открывался *большой умный лоб* его. *Редкая длинная борода, очень добрые и пронизательные глаза.* Его ждала "вся Россия" – простая, страждущая Русь, мужчины, женщины, дети»⁷³.

С присущей ему наблюдательностью Б. К. Зайцев обращает внимание на те черты, которые говорят о внутренней святости человека. Читая его очерки о православных монастырях, нетрудно заметить, что для писателя внешний облик монаха всегда соответствовал облику внутреннему (вспомним живописные описания ликов, «сошедших с икон и полотен», которые мы встречаем в очерках «Афон» и «Валаам»). От описания человека Б. К. Зайцев идёт дальше – он описывает с благоговением убранство монастырей, пейзажи, на фоне которых они существовали. В «Оптиной пустыне», по мнению писателя, всё «ушло на дно таинственного озера – до времени»⁷⁴. Во многом здесь угадываются черты легенды о затонувшем граде Китеже. Она гласит, что во время монголо-татарского нашествия город Китет ушёл под воду озера Светлояр. Говорят, что Бог спрятал его от глаз врага неприятеля, и только в те минуты, когда к озеру приходят праведники, они слышат подводный звон колоколов. Ушедшая «на дно таинственного озера» Оптиная Пустынь сохраняет свою святость, по мнению писателя, для потомков, которые смогут оценить её по достоинству.

В очерке Б. К. Зайцев писал, что «Пустынь погибла, т. е. здания существуют, но их назначение иное»⁷⁵, но святость этого места, отзвук святой Руси ушедшей эпохи в Оптиной Пустыни сохранился. В очерке читаем «Православные из Москвы, художники, люди высокой культуры, селятся

⁷³ Зайцев Б. К. Оптиная Пустынь // Возрождение, 1929. № 1608. С. 31.

⁷⁴ Там же. С. 39.

⁷⁵ Там же. С. 40.

вблизи бывшего монастыря, как бы питаются его подземным светом»⁷⁶. Жизнь старцев, живших здесь многие века, наложила неизгладимый отпечаток на эту святую землю.

Спустя три десятилетия, в 1956 году Б. К. Зайцев написал очерк «Достоевский и Оптиная Пустынь». Здесь он повествует о путешествии Фёдора Михайловича к старцу о. Амвросию в 1878 году. Писатель утверждает влияние святости Оптиной Пустыни на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Это и была та гармония, над которой всю жизнь бился и мучился Достоевский. Она сошла на его героя теперь в мистическом озарении, заливая светом все противоречия, все бездны. Она явилась в скромном монастыре, пред лицом звезд, под веянье бора оптинского, в тихую ночь незадолго до земного конца»⁷⁷.

К религиозной православной линии в творчестве Б. К. Зайцева также относится роман о жизни в эмиграции «Дом в Пасси», роман «Путешествие Глеба», очерк «Около св. Серафима». Также к этому ряду можно отнести его поздние очерки, где он открыто рассуждает о русской святости, хранителями которой являются православные монастыри («Дни», «Странник» и пр.)

А теперь обратимся непосредственно к очерку «Преподобный Сергей Радонежский», о котором мы уже упоминали.

2.2. Концепция «русской святости» в житийном очерке Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»

Религиозное осмысление действительности стало основным направлением в послереволюционном творчестве Б. К. Зайцева. Оно отразилось не только на форме, но и на сюжетах, языке, тематике

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Зайцев Б. К. «Достоевский и Оптиная Пустынь» / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 345.

произведений эмигрантского периода его прозы. Поиски истоков русской святости, обращение к ценностям и духовным основам православия особенно проявляются в житийных очерках писателя.

Наша работа посвящена исследованию жизнеописания Преподобного Сергия Радонежского, знаменитого русского святого XIV-го века. По словам А. М. Любомудрова «Сергий особенно почитался русскими православными эмигрантами 1920-х годов. Имя этого святого получило основанное в июле 1924 года в Париже русское церковное Подворье (Зайцев присутствовал на его освящении)»⁷⁸.

Б. К. Зайцев написал очерк «Преподобный Сергий Радонежский» в 1924 году, в самом начале эмигрантского периода своего творчества. Об этом произведении он отзывался так: «Разумеется, тема эта никак не явилась бы автору и не завладела бы им в дореволюционное время»⁷⁹. Это было первое жизнеописание русского святого, созданное писателем, из которого впоследствии будет развиваться тема православного монашества в произведениях Б. К. Зайцева.

Многие критики отмечают особое, трепетное отношение, с которым писатель ведёт своё повествование в этом житийном очерке. З. Н. Гиппиус писала, что «из сонма угодников и подвижников, чтимых народом русским, не к буйному, деятельному Николе преданий и не к живому, настойчивому лесному "батюшке" Серафиму, такому сравнительно недавнему, влечется сердце художника: но к простоте далекого Сергия»⁸⁰. Беря во внимание вышеописанные очерки о православных монахах, написанные Б. К. Зайцевым («Афон», «Валаам», «Оптина Пустынь» и др.), можно сделать вывод, что

⁷⁸ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 16.

⁷⁹ Зайцев Б. К. О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 425.

⁸⁰ Гиппиус З. Н. Б. К. Зайцев. Преподобный Сергий Радонежский / Мечты и кошмар (1920-1925) СПб.: ООО "Издательство "Росток", 2002. С. 18.

именно «тихий» подвиг служения людям восхищал писателя и побуждал его искать признаки русской святости в православных монастырях. З. Н. Гиппиус подчёркивала, что «подвиг его – "непрерывное, недраматическое восхождение"»⁸¹. Он учил окружавших его людей «самим собою»⁸², показывая таким образом пример кроткой и благочестивой жизни. В предисловии к житийному очерку Б. К. Зайцев отмечал, что самая главная черта подвига Сергия Радонежского – «глубокое созвучие народу»⁸³. На первый взгляд кажется, что жизнь Сергия Радонежского представляет собой глубокое отшельничество и созерцание, но на самом деле «тихое делание», которым непрерывно был занят святой, не только предопределило дальнейшую судьбу Руси как государства, но и заложило основы русского православного монашества, каким мы знаем его до сих пор. Б. К. Зайцев призывал «присмотреться» к его жизни и подчёркивает актуальность своего очерка в контексте послереволюционного времени. Он писал, что «сейчас особенно уместен опыт – очень скромный – вновь, в меру сил, восстановить в памяти знающих и рассказать незнающим дела и жизнь великого святителя, и провести читателя чрез ту особенную, горную страну, где он живет, откуда светит нам немеркнущей звездой»⁸⁴.

В этом предисловии мы замечаем мотив заступничества, характерный для русских святых. Несмотря на революционный переворот, смену власти и культуры, которые сотрясали Россию того времени, духовные начала страны остались неизменными. Б. К. Зайцев постоянно подчёркивает, что истинная сущность русского человека сформировалась именно под многолетним влиянием православного христианства.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 19.

⁸³ Там же. С. 20.

⁸⁴ *Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 18.*

З. Н. Гиппиус вслед за писателем обращается к вопросу о «трудных временах», в которых должен проявиться истинно русский характер и «широкое сердце русского народа»⁸⁵. Она называет Церковь «утешительницей», к которой относятся святители – «венец русского православия». Однако, критик несколько укоряет этот подход к пониманию функции Церкви, которая проповедует терпение и смирение как основные христианские добродетели, составляющие характер сильного духом человека. Она вопрошает: «Но будет ли она [«Церковь»] когда-нибудь, может ли стать – и Церковью-помощницей?»⁸⁶. З. Н. Гиппиус представляет преп. Сергия Радонежского самым «полным выразителем православия» (в его кротости и простоте), но призывает человека найти в себе мужество опираться не только на эти качества русского святого, а искать в себе что-то ещё, что поможет пережить трудные времена.

Простота и чистота русского святого в переложении Б. К. Зайцева представляется З. Н. Гиппиус «очаровательной». Однако, она подчёркивает, что «увлекшись "простотой, негромкостью" облика Сергия, главным образом простотой, автор, полуневольно, должно быть, но искусственно упрощает свой язык. Вместо "прохлады и сдержанности" получается местами сухость изложения и нарочитый примитив»⁸⁷.

Многие критики творчества Б. К. Зайцева, о которых мы упоминали ранее, отмечали его особый прозаический талант. Эпитеты «импрессионист», «акварелист», «художник» часто применяются исследователями, когда речь идёт о произведениях писателя. Т. Ф. Прокопов в отношении повести «Преподобный Сергий Радонежский» писал так: «его стилистика, во всех других вещах поэтически изысканная, обретает в новой повести аскетическую

⁸⁵ Гиппиус З. Н. Б. К. Зайцев. Преподобный Сергий Радонежский / Мечты и кошмар (1920-1925) СПб.: ООО "Издательство "Росток", 2002. С. 20.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 21.

простоту, которая сродни классическим работам русских иконописцев»⁸⁸. Таким образом, простота, отмеченная З. Н. Гиппиус, приобретает в понимании Т. Ф. Прокопова нарочитый оттенок. Аскетизм преподобного, его труды и ежедневное тихое служение описывается Б. К. Зайцевым в духе иконописной манеры – просто, строго и по особым канонам, подражая древнерусской житийной традиции.

А. М. Любомудров связывает появление повести «Преподобный Сергей Радонежский» с послереволюционной эпохой, когда русский православный народ особенно нуждался в поддержании духа и национального самосознания. Он пишет, что Б. К. Зайцев, «рисую труды и подвиги "игумена земли Русской", Зайцев ободрял своих соотечественников, изгнанных из России, часто впадавших в отчаяние, бедствовавших. Он показывал, как великий святой переносил скорби, голод, нестроения среди братии, и, главное, то точное и истинно христианское отношение к ордынскому игу»⁸⁹. Так описание аскетизма жизни святого было призвано подать пример русскому народу в непростые для него времена.

Продолжая мысль А. М. Любомудрова, отметим, что в конце вышеупомянутой повести автор писал, что «В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости – неземной облик Сергия утешает и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергей будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим – немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере»⁹⁰. Поэтому выбор святого для переложения его жизнеописания Б. К. Зайцевым был

⁸⁸ Прокопов Т. Ф. "Все написанное мною лишь Россией и дышит..." / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 2. Улица святого Николая. Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. С. 448.

⁸⁹ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 18.

⁹⁰ Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 57.

неслучаен. Он видел в этом некоторый аспект просвещения, а также хотел показать пример настоящего русского праведника, который способен преодолеть все невзгоды, имея абсолютную силу духа.

А. М. Любомудров выделяет несколько особенностей образа преп. Сергия Радонежского, описанного Б. К. Зайцевым. Во-первых, исследователь утверждает, что «Зайцев избежал политизации образа Сергия, обычной для сочинений иных писателей»⁹¹. Участие святого в политической жизни страны, которое выразилось в его напутствии Димитрию Донскому перед выступлением на судьбоносную битву с Мамаем, писатель связывает исключительно с Промыслом Божиим. Именно в этом побоище должна была решиться судьба русской земли и её народа, поэтому Сергей Радонежский не остался в стороне, а проявил себя как посол Божией воли, как медиатор между небесным миром и земным. По словам Г. П. Федотова, «Вмешательство преп. Сергия в судьбу молодого государства Московского, благословение им национального дела было, конечно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтит в преп. Сергии своего небесного покровителя. В сознании московских людей XVI века он занял место рядом с Борисом и Глебом, национальными заступниками Руси»⁹².

Следующей особенностью повествования о преп. Сергии А. М. Любомудров считает стремление автора показать, что «русская православная духовность – уравновешенная, лишённая экзальтации, свойственной католическим "святым"»⁹³. И действительно, православная традиция в русской литературе XIX-го века оказала значительное влияние на понимание образа христианского подвижника. Ф. М. Достоевский,

⁹¹ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 19.

⁹² Федотов Г. П. Святые Древней Руси / коммент. С. С. Бычкова, перевод с церковнослав. В. М. Савина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 150.

⁹³ Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. С. 19.

Н. С. Лесков и другие создали представление о том, что «все русское – "гримаса, истерия и юродство, "достоевщина"», Зайцев противопоставляет духовную трезвенность Сергия – примера "ясности, света прозрачного и ровного", любимейшего самим русским народом»⁹⁴.

В статье «Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергей Радонежский"» М. В. Ветрова рассматривает данный очерк с точки зрения житийной традиции. Учёный выделяет три подхода в жизнеописании преп. Сергия Радонежского: житийный, богословский и историографический. М. В. Ветрова пишет, что «житийная линия берет начало от Епифания Премудрого; кроме него в агиографическом жанре о Сергии писали: митрополит Московский Платон (Левшин), митрополит Московский Филарет (Дроздов), архиепископ Филарет (Гумилевский), архимандрит Никон (Рождественский), патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский). Богословская линия представлена трудами С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Е. Н. Трубецкого. В русле историографического направления писали о преподобном Сергии В. О. Ключевский, Е. Е. Голубинский и др.»⁹⁵. Исследователь указывает на то, что Б. К. Зайцев использовал в своём очерке только агиографическую и историографическую линии: «Для него важным было прежде всего воссоздать облик любимого русского святого, напомнить о событиях его жизни. Поэтому в большей степени писатель использовал черты как житийной, так и исторической литературы»⁹⁶.

Таким образом, облик преп. Сергия Радонежского, созданный Б. К. Зайцевым, был призван вновь разбудить в народе утраченные и забытые в ходе истории духовные силы и указать путь к возрождению России.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Ветрова М. В. Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергей Радонежский" // Культура народов Причерноморья, 2001. № 23. С. 140.

⁹⁶ Там же. С. 142.

Писатель обращается как жизни святого, так и к тому, что происходит вокруг него, к историческому контексту эпохи Московской Руси. Святость преподобного преображает мир, окружающую его обитель, и именно это качество Б. К. Зайцев выделяет в нём больше всего.

Известно, что источником повести Б. К. Зайцева послужило агиографическое житие конца XIV - начала XV века, написанное Епифанием Премудрым. А. М. Любомудров считает, что за основу своего очерка Б. К. Зайцев взял работу иеромонаха Никона, который в 1885 году изложил все эпизоды жития и летописные сообщения о святом в доступной для читателя форме. Учёный писал, что ««Преподобный Сергей Радонежский» Б. Зайцева во многих отношениях является «конспектом труда Никона», в нем нет даже «следов непосредственного обращения Зайцева к первоисточнику»⁹⁷.

Такое сопоставление дает возможность увидеть, как Б. К. Зайцев сохраняет в жизнеописании святого Сергея Радонежского житийную литературную традицию. Чтобы провести такое сопоставление, необходимо обратиться к «Житию Сергея Радонежского» Епифания Премудрого (текст и перевод на современный русский язык в книге «Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века»).

⁹⁷ Любомудров А. М. Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII-XIX веков / под ред. Ю. В. Стенника. СПб., 1992. С. 268.

Глава III. Особенности авторского повествования Епифания Премудрого

3.1. Стиль Епифания Премудрого в контексте современной агиографии Московской Руси

Русская культура в конце XV-XVI в. выполняла задачу укрепления государственности Руси вокруг Москвы и сохранения как духовного, так и территориального единства страны. Эту культуру в русском на рубеже XIV-XV вв. принято называть «Предвозрождением». Д. С. Лихачёв связывает культурное возрождение со стремлением Руси восстановить связи с Византией и южными славянами (Афон, монастыри Сербии и Болгарии). Учёный считает, что «стремлению русских к центрам православной образованности на Балканах ответило стремление византийской и южнославянской интеллигенции искать на Севере, в России, убежище от военных тревог и иноземных завоеваний»⁹⁸. Таким образом Русь включается в мировую культуру, и это явление Д. С. Лихачёв называет «вторым южно-славянским влиянием».

Для Западной Европы этот этап перешел в Возрождение, которое по-новому осмысляло античность. Но несмотря на «движение к человеку»⁹⁹ в Древней Руси не существовало условий, в которых могло бы сформироваться Возрождение. Д. С. Лихачёв отмечал, что «Предвозрождение – это только начало того движения, которое, созрев, дало в дальнейшем в благоприятных условиях Возрождение; это первая ступень, ещё не освобождённая от господства религии»¹⁰⁰. Именно поэтому индивидуализация человека, обращение к психологизму в контексте культуры Московской Руси имело религиозную оболочку. Эмоциональные переживания человека, его личные

⁹⁸ Лихачев Д. С. Предвозрождение в русской литературе // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 461.

⁹⁹ Там же. С. 463.

¹⁰⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. С. 72.

страдания в русском искусстве XIV-XVI вв. выходят на первый план. Мы видим человеческие черты в образах на иконах Андрея Рублёва, а житийные персонажи приобретают особенно экспрессивно-эмоциональный характер изображения (например, в сочинениях Епифания Премудрого).

Второе южно-славянское влияние принесло в русскую литературу новые темы, жанры и стили. Д. С. Лихачёв отмечал, что «новая литературная школа привела к усиленному развитию литературного языка, к усложнению синтаксиса»¹⁰¹. Обновлённый литературный язык подготовил почву для формирования русской литературы.

Одним из самых известных писателей в литературе Московской Руси – Епифаний Премудрый, который известен как составитель житий Стефана Пермского, Сергия Радонежского и др. Первую редакцию жития агиограф создал спустя 26 лет после смерти святого, 1417-1418 гг.¹⁰² Кроме того, что автор был современником преподобного и написал свой текст, основываясь на своих воспоминаниях и рассказах очевидцев, он был одним из самых образованных людей своей эпохи. Епифаний Премудрый был хорошо знаком со святоотеческой литературой, а также с русской и византийской агиографией.

Д. С. Лихачёв писал, что «Епифаний Премудрый обращается к традициям Киевской Руси времён её расцвета»¹⁰³. Епифаний пользуется традициями домонгольской агиографии и ораторской прозы. Но вместе с тем черты индивидуальности в его сочинениях проявляются в стиле «плетения словес». Известно, что название стиля впервые употребил сам Епифаний Премудрый в «Житие Стефана Пермского». В. О. Ключевский писал, что «он сам очень удачно характеризует свое изложение, называя его «плетением

¹⁰¹ Там же. С. 79.

¹⁰² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. С. 330.

¹⁰³ Там же. С. 108.

словес»¹⁰⁴. В житии древнерусский автор называет сам себя книжником «словоплетущим» и «словоплодящим».

Стиль «плетения словес» не был придуман Епифанием Премудрым. Как отмечает В. Д. Петрова в статье «О содержании термина «плетение словес» в средневековой славянской книжности, подавляющее большинство примеров употребления «плести/плетение (словес)» в переводной византийской литературе, используемой православными славянами, приходится на литургические тексты, жития, похвальные слова, в произведениях светского характера оно встречается спорадически»¹⁰⁵.

«Плетение словес» оказало значительное влияние на произведения XV–XVI вв., отчасти XVII вв., и притом не только на агиографические. Однако этот стиль представляет для нас интерес исключительно в житийной литературе – важно определить, в каких тематических фрагментах текста он используется древнерусским книжником и какую функцию выполняет.

С. В. Жиляков в статье «О стиле "плетения словес" в древнерусской литературе XIII века» подробно разбирает характерные элементы стиля «плетения словес». В качестве одной из основных черт исследователь называет параллелизм, который, на его взгляд, «выявляет приметы поэтического текста или стиля в составе прозы»¹⁰⁶. Кроме того, С. В. Жиляков отмечает, что «синтаксический, как и любой, параллелизм выполняет функции нагнетания, сгущения смысла речи. Он приводит в напряженное состояние ожидания чего-то сверхъестественного, концентрирует и заостряет внимание на циклизации повествования вокруг архиважного события и такого же сверх

¹⁰⁴ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачева и комп., 1871. С. 93.

¹⁰⁵ *Петрова В. Д.* О содержании термина «плетение словес» в средневековой славянской книжности / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 6 (2), С. 316.

¹⁰⁶ *Жиляков С. В.* О стиле "плетения словес" в древнерусской литературе XIII века // Хуманитарни Балкански изследвания, 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stile-pleteniya-sloves-v-drevnerusskoy-literature-xiii-veka> (дата обращения: 10.12.2020).

значимого героя»¹⁰⁷. Показателен тот факт, что стиль «плетения словес» в «Житии Сергия Радонежского», написанного Епифанием Премудрым, действительно ярко проявляется исключительно в тех моментах, когда древнерусский автор описывает нам образ и дела святого. В. Д. Петрова также высказывает своё мнение насчёт особенностей параллелизма в текстах Епифания Премудрого «Библейский параллелизм, который представляет собой соположение элементов одного уровня, является основополагающим принципом организации текста Епифания проявляющимся на всех уровнях. Параллелизм представлен и на сюжетном уровне - так, автор два раза излагает само житие (своеобразный краткий его вариант дан во вступлении), удвоен топос самоуничижения книжника и т. д.»¹⁰⁸. Таким образом, параллелизм в понимании учёных выполняет не столько формальную функцию организации текста, сколько смыслообразующую.

В определении следующего характерного элемента стиля «плетения словес» С. В. Жиликов соглашается с И. Ю. Абрамовой, которая считает, что «очень активное использование конструкций с однородными членами можно считать ярким синтаксическим показателем для «плетения словес» и отличающим тексты, написанные в такой манере, от иных текстов»¹⁰⁹.

Распространение стиля «плетения словес» в агиографической традиции связано с распространением панегириков (похвальных текстов), с поэтикой церковных гимнов. В. Д. Петрова считает, что «выражение «плетение словес» (наряду с сочетанием «плести венец») в сочинениях славянских книжников представляет собой кальку с греческого и источником его являются гимнографические тексты»¹¹⁰. Однако, стиль «плетения словес» может

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Петрова В. Д. К вопросу о древнерусском «Плетении словес» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. №4. С. 32.

¹⁰⁹ Абрамова И. Ю. Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетения словес» (на материале житий XIV-XV вв.): автореф. дисс. к.ф.н. Нижний Новгород, 2004. С. 4.

¹¹⁰ Петрова В. Д. К вопросу о древнерусском «Плетении словес» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. №4. С. 33.

использоваться не только как метафора похвалы. Гимнографическая форма повествования делает особенной организацию текста - отчасти он принимает поэтическую форму (о чём уже упоминал С. В. Жиляков). Тем не менее, В. Д. Петрова расширяет понятие «плетения словес» как способа организации текста: «древнеславянский стиль «плетения словес» традиционно рассматривается в рамках риторической прозы (Д. С. Лихачев, Р. Пиккио, М. И. Мулич, Ф. Китч, Кр. Станчев), и только С. Матхаузерова включила «плетение словес» Епифания в общую теорию русского стиха, определив его как «специфический вид стихотворной культуры»»¹¹¹. В. Д. Петрова также пишет, что «образцами для Епифания выступают церковная поэзия и библейские поэтические книги, на которые он сам указывает в «Житии Стефана Пермского»»¹¹².

Особенная ритмическая организация стиля «плетения словес», по мнению В. Д. Петровой и С. Матхаузеровой, держится на таком стилистическом приёме, как повтор. Поэтому С. Матхаузерова соотносит ритм плетения словес с ритмом орнамента¹¹³. В связи с этим следует отметить, что стиль «плетения словес» иногда именуется «орнаментальной прозой» и характеризуется как «риторический», «пышный», «витиеватый» «панегирический», «украшающий», «многословный» и др.. Кроме В. Д. Петровой и С. Матхаузеровой на системе повторов как основы организации текстов Епифания Премудрого делали акцент такие учёные, как Д. С. Лихачев, С. М. Шумило, А. М. Ранчин и др.

Феномен стиля «плетения словес» сделал древнерусскую литературу конца XIV—XV вв. более личностной. Авторы видели в своей работе сложное искусство, обращали внимание на слово и способы выражения. Житийная

¹¹¹ Там же. С. 38.

¹¹² Там же.

¹¹³ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 44.

литература той эпохи, попав под влияние «плетения словес», наполнилась эмоциональным, экспрессивным содержанием.

Таким образом, можем выделить главные элементы стиля «плетения словес» – метафоричность, образность, использование изобразительно-выразительных средств, повторов, а также стремление к абстрагированию. Именно эмоционально-экспрессивный стиль житийных текстов Епифания является выражением сакрального, религиозного начала.

3.2. Особенности стиля «Жития Сергия Радонежского»

Г. П. Федотов, известный историк и богослов начала XX века, в книге «Святые Древней Руси» выделяет Сергия Радонежского как пример особенного, мистического этапа русской святости. В главе, посвящённой жизнеописанию святого, учёный показывает связь духовной деятельности Сергия Радонежского с традицией русского монашества, а также даёт краткое описание его заветов.

В предисловии к книге Г. П. Федотова А. Мень пишет, что «Федотов считает его [Сергия Радонежского] первым русским мистиком. Он не находит прямых свидетельств о связи основателя Троицкой лавры с афонской школой исихазма, но утверждает их глубокую близость. В исихазме была развита практика духовного самоуглубления, молитвы, преобразования личности через ее сокровенное единение с Богом»¹¹⁴. Исихазм (греч. безмолвие, покой) – школа духовной практики, преимущественно христианской, которая возникла в IV веке. Важнейшим элементом исихастской практики является непрерывная Иисусова молитва. Е. П. Надеяева в автореферате к кандидатской диссертации «Традиции исихазма в русской средневековой культуре» пишет, что «Преподобный Сергий Радонежский возродил

¹¹⁴ Федотов Г. П. Святые Древней Руси / коммент. С. С. Бычкова, перевод с церковносл. В. М. Савина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 10.

созерцательное монашество. Житие Сергия Радонежского было написано его учеником Епифанием Премудрым. В этом сочинении доминирует тема аскетическо-созерцательного мотива и приводятся свидетельства того, что Сергия можно считать представителем русской исихастской традиции»¹¹⁵.

Сергия Радонежского часто воспринимают как представителя аскетичной практики исихазма и русской мистической традиции. Простота духовной жизни святого восходит к афонской исихастской традиции, состоящей в нестяжательности, отсечении воли и послушании, умной молитве, непрестанном чтении отеческих писаний. Сущность духовной жизни для него состоит в абсолютном отрешении от всех земных благ и сводится к духовному очищению. В практике исихазма у Сергия Радонежского было много последователей – Нил Сорский, Иоанн Лествичник, Максим Исповедник и др.

В статье Э. Бьянки и А. Майранди «Человек Божий» в средневековой литературе» сравнивается святой Франциск Ассизский и преподобный Сергий Радонежский. Авторы статьи описывали образ преподобного как «счастливую точку синтеза между общинной жизнью и исихастским призванием, между евангельской бедностью и духовной и культурной просвещенностью»¹¹⁶.

Чтобы усилить духовный опыт отшельничества, согласно житию преподобного Сергия Радонежского, святой практиковал самосозерцание. В этом процессе он стяжал добродетели и укреплял духовную связь с Богом (по примеру афонских, византийских и сирийских мистиков). Отшельничество в понимании монахов представляло собой практику противостояния мирским соблазнам. Как следствие, за свою праведную жизнь преподобный Сергий

¹¹⁵ *Наделяева Е. П.* Традиции исихазма в русской средневековой культуре. автореф. дисс. к.культ.н. М.: 2004. 25 с.

¹¹⁶ *Бьянки Э.* «Человек Божий» в средневековой литературе: святой Франциск Ассизский и преподобный Сергий Радонежский. Опыт типологического сопоставления / Э. Бьянки, Э. Майранди // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 54. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 115.

Радонежский приобрёл божественные Дары – исцелял больных, имел дар пророчества и творил чудеса.

Д. С. Лихачёв относил Сергия Радонежского к ключевым фигурам русского «Предвозрождения». В статье «Сергий Радонежский и Франциск Ассизский» он подробно описывает добродетели русского святого в сравнении с итальянским представителем эпохи «Предвозрождения». Д. С. Лихачёв пишет, что «святой Сергий выше всего из христианских подвигов ставил нищету, духовное преодоление всех телесных страданий и деятельную любовь ко всему живому – к людям и животным»¹¹⁷. По мнению учёного, основными христианскими подвигами святого были следующие: требование подавать милостыню нищим из последнего, постоянный труд (даже крестьянский) как акт христианского смирения. Физический труд Сергия Радонежского впоследствии стал примером для основателей русских православных монастырей: «Впоследствии многие из русских святых были, прежде всего, не только основателями, но и организаторами хозяйства. Таким был, например, Пафнутий Боровский в своём Благовещенском монастыре, игумен Филипп в Соловецком монастыре и даже Иульяния Осорьина, в своём собственном доме»¹¹⁸. Примечательно также и то, что этот труд совершался святым и его последователями не для себя, а для «братии» - монахов, крестьян и ближних людей.

Одной из особенностей характера святого – это связь Сергия Радонежского с миром природы, особенно с животными. Д. С. Лихачёв комментирует эпизод с птицами в окрестностях монастыря следующим образом: «Согласно древнерусским воззрениям, символ – такая же реальность, как и то, что он символизирует. Птицы были такими же иноками Сергия, как и иноки, чьё появление в монастыре они предвещали»¹¹⁹. Также известна

¹¹⁷ Лихачёв Д. С. Сергий Радонежский и Франциск Ассизский // «Наука и религия», 1998. № 6. С. 13.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. С. 16.

история, когда святой дружил с медведем, приходившим к нему в течение года, и делился с ним последним куском хлеба.

Таким образом, в фигуре Сергия Радонежского, описанного Д. С. Лихачёвым, мы наблюдаем его характерные качества как личности, а не только как святого. Тот факт, что старец был выходцем из простого сословия, побудил учёного называть его «любимым крестьянским святым».

Исследование В. Н. Топорова «Святые и святость в русской духовной культуре» (II том) содержит главу «Жизненное дело Сергия Радонежского». Здесь через образ преподобного учёный описывает феномен русской святости (как по-своему это делал Б. К. Зайцевым в его житийном очерке «Преподобный Сергий Радонежский»). Исследователь писал, что его главной задачей является «уяснение психологии святого подвижника, вскрытие «невидимой» святости религиозного подвига¹²⁰. В. Н. Топоров отмечал, что Сергий Радонежский – это «Величайший русский святой, служитель пресвятой Троицы во имя того духа согласия, который одолевает «ненавистную раздельность мира»»¹²¹. Учёный, как и упомянутые исследователи «Жития Сергия Радонежского», называет старца «высшей точкой святости, достигнутой на Руси»¹²². Примечательно то, что святость преподобного проявляет себя именно в его земной жизни. Поэтому В. Н. Топоров в первую очередь обращается к теме церкви, государства, русской истории и культуры, на которые Сергий Радонежский оказал существенное влияние. Единение человека с Богом в этом житие достигается путём праведной жизни и ежедневного духовного подвига.

В. Н. Топоров считает личность преподобного одной из центральных фигур среди русских святых. Кроме деятельности Сергия Радонежского, на

¹²⁰ Топоров В. Н. Три века христианства на Руси (XII – XIV вв.): В 2 т. Т.2. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 15.

¹²¹ Там же. С. 2.

¹²² Там же. С. 2.

факт особого почитания святого повлиял его тип святости, именуемый исследователем как «преподобие». По мнению учёного, «преподобие» представляет собой «монашеское подвижничество, аскезу, предполагавшую отказ от мирских привязанностей и стремлений, следование Христу <...> монах своей святой жизнью открывает, являет собой подобие Божие»¹²³. Святая жизнь Сергия Радонежского предполагала отказ от мирских стремлений и следование словам, которые были обращены к апостолу Петру: «И всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф., 19, 29). Следует отметить, что святость Сергия и явленное им подобие Божие были редким явлением для своего времени. До этого почти в течение века Церковь не знала святых, удостоившихся определения «преподобный».

Святость и духовный подвиг Сергия, по мнению В. Н. Топорова, оказали значительное влияние также на эпоху в целом, на «быстрое и органичное набирание духовной высоты». Исследователь называет время жизни святого «золотым веком русской святости»¹²⁴, который дал мощный импульс не только для формирования нового типа русского православного монашества, но и оказал значительное влияние на складывание русского национального характера. Добродетели Сергия Радонежского и черты его духовного подвига отразились в культуре Московской Руси, на её политической и мироустроительной деятельности.

Описание жизни преподобного Сергия Радонежского Епифанием Премудрым в риторико-панегирическом стиле приобретает дополнительные смыслы. Д. С. Лихачёв относит стиль «плетения словес» в произведениях Епифания Премудрого к «одному из самых первых образцов орнаментальной

¹²³ Там же. С. 347.

¹²⁴ Там же. С. 348.

прозы»¹²⁵. Академик также отмечает, что «орнаментальная проза близка к поэзии в том отношении, что поэзия и «орнаментальная проза» стремятся создать некоторый «сверхсмысл»¹²⁶. Орнаментальная проза требует особой организации текста, а именно выражения в слове и ритме повествования особенного «лейтмотива». Таким образом слово в орнаментальной прозе «выходит за границы, поставленные ему языковой нормой»¹²⁷. «Сверхсмысл» орнаментальной прозы Епифания Премудрого, по мнению Д. С. Лихачёва, не противоречит смыслу текста, а только дополняет и углубляет его.

¹²⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. // Избранные работы. В 3 т. Т.1. Л.: Художественная литература, 1987. С. 254.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

Глава IV. Сопоставительный анализ очерка Б.К. Зайцева «Сергий Радонежский» и жития преп. Сергия Радонежского Епифания Премудрого

А. М. Любомудров, утверждал, что для написания житийного очерка писатель опирался на труд Никона, который в 1885 году изложил все эпизоды жития и летописные сообщения о святом в доступной для читателя форме. Тем не менее, Б. К. Зайцев, перекладывая жизнеописание русского святого, постоянно обращается к труду Епифания Премудрого, первого составителя жития Сергия Радонежского – он называет древнерусского книжника «биографом», отмечает «красноречие» его повествования, цитирует житие и сам отмечает: «Привожу почти дословно рассказ Епифания». Изучение жизнеописания Сергия Радонежского Б. К. Зайцевым представляется нам неполным без изучения влияния древнерусского жития Епифания Премудрого.

Основная задача нашего сопоставительного анализа состоит в том, чтобы различить в житии Епифания Премудрого и житийном очерке Б. К. Зайцева культурный опыт эпох (Московской Руси XV века и России начала XX-го века), выделить стилистический пласт и особенности поэтики в связи с устойчивыми жанровыми элементами.

По словам М. В. Ветровой, «основной задачей автора жития становится не сохранение исторической памяти о святом, но извлечение из его жизни духовно-нравственных уроков»¹²⁸. Б. К. Зайцев в житийном очерке решает похожую задачу – он обращается к духовному опыту святого с целью актуализировать его, показать его значимость для людей начала XX-го века, переживших революционный переворот и смену власти.

¹²⁸ Ветрова М. В. Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергий Радонежский" // Культура народов Причерноморья, 2001. № 23. С. 147.

Литературный этикет, которому подчинялись почти все жанры древнерусской литературы, был применим и к жанру жития. Этикет подразумевал следование ходу событий, определял поведение действующего лица и автора текста. Елифаный Премудрый, в соответствии с литературным этикетом, выступает «не как наблюдатель, в тишине келии изучивший и обдумавший описываемые явления, а как вития с церковной кафедры перед многочисленными слушателями»¹²⁹. Подобную «учительную» функцию выполняет и житийный очерк Б. К. Зайцева. У писателя есть конкретная задача, которая заключается отнюдь не в добавлении новых идей к существующим текстам о русском святом. Автор переписывает сюжет жития святого в другом, более доступном читателю «светском» жанре и передаёт своё понимание личности Сергия Радонежского как ключевой фигуры русской святости. Следует отметить, что он делает это в рамках житийного канона.

Обратим внимание на название произведений. Житийный очерк Б. К. Зайцева, сообразно житийному канону, содержит в названии имя святого, которому оно посвящено. Также писатель использует определение «преподобный». В толковом словаре С. А. Кузнецова читаем: «Преподобный – в христианстве: святой угодник, праведник, который, отказавшись от всех жизненных благ, достиг нравственной чистоты и совершенства»¹³⁰. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, который был издан в ранние годы жизни Б. К. Зайцева, читаем: «Преподобный – в христианской церкви название святого из монашествующих, своими подвигами и святостью жизни стяжавшего высшее нравственное достоинство»¹³¹. Включив в название произведения определение «преподобный», Б. К. Зайцев подчёркивает церковный сан Сергия и его

¹²⁹ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачева и комп., 1871. С. 403.

¹³⁰ Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт С. А. Кузнецов, 1998. С. 965.

¹³¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. Т. 49. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1898. С. 320.

принадлежность к святителям русской земли. Несмотря на то, что в житийном очерке писатель часто обращает внимание на мирские черты характера преп. Сергия, он постоянно указывает читателю на духовный подвиг святого, который стал возможен благодаря его простым, на первый взгляд, добродетелям.

В названии жития Епифания Премудрого «Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия Чудотворца» личность святого Сергия Радонежского определяется большим количеством эпитетов, чем в житийном очерке Б. К. Зайцева. Это объясняется в первую очередь житийным каноном – жанр жития является одной из форм церковного прославления святого. Из этого следует, что в названии жития необходимо указать те определения, которые применимы к данному святому в том или ином контексте: «преподобный» (святой, монашествующий человек), «богоносный» (несущий в себе образ Божий), «отец наш» (по аналогии с Богом, который в агиографии часто именуется «Отцом»), «игумен» (церковный сан святого Сергия), «Чудотворец» (его Дар божий, проявляющийся в умении совершать чудеса). Так Епифаний Премудрый показывает многогранность личности святого – он совмещал в себе множество богоугодных качеств и был близок по духу к большому количеству людей. В названии произведения агиограф использовал стиль «плетения словес»: упомянутые определения являются синонимами. Таким образом, в соответствии стилю, эпитеты, описывающие образ Сергия Радонежского, подбираются автором исключительно как попытка найти точное слово для передачи святости преподобного.

Названия сопоставляемых произведений не только содержит краткое определение образа святого. Они позволяют поставить вопрос об их принадлежности к тому или иному жанру, который значительно будет влиять на содержание и форму изложения. Так сочинение Епифания Премудрого «Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия

Чудотворца» содержит название жанра произведения уже в названии. Кроме того, подробный анализ сочинения Епифания как жития был проведён множеством учёных: Д. С. Лихачёвым, С. Н. Шумило, И. Ю. Абрамовой, С. Н. Травниковым, М. В. Кириллиным, С. В. Коломейченко, В. М. Живовым, В. Н. Топоровым и др.

Произведение Б. К. Зайцева критики и литературоведы относят к различным жанрам. Т. Ф. Прокопов называет его «житийным повествованием»¹³², А. К. Клементьев «житийной повестью»¹³³, М. В. Ветрова «очерком»¹³⁴, Безатосная О. М. «рассказом»¹³⁵, а Синельникова Г. П. «неожитием»¹³⁶.

На наш взгляд, произведение Б. К. Зайцева можно отнести скорее к очерку, нежели к повести или рассказу. Несмотря на объём повествования, равный объёму повести, в нём присутствует явная авторская оценка изображаемого. Б. К. Зайцев не только пересказывает жизнеописание Сергия Радонежского – он периодически обращается к контексту эпохи, к Епифанию Премудрому и его биографии. Писатель был признанным мастером очерков, поэтому его особенная авторская манера проявляется и в этом произведении. К жанру рассказа отнести житийный очерк Б. К. Зайцева было бы затруднительно, так как он содержит большое количество событий и эпизодов из жизни героя (что противоречит жанровому признаку рассказа).

¹³² Прокопов Т. Ф. "Все написанное мною лишь Россией и дышит..." / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 2. Улица святого Николая. Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. С. 440.

¹³³ Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 534.

¹³⁴ Ветрова М. В. Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергий Радонежский" // Культура народов Причерноморья, 2001. № 23. С. 139.

¹³⁵ Безатосная О. М. Образ Сергия Радонежского в рассказе Б. К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sergiya-radonezhskogo-v-rasskaze-b-k-zaytseva-prepodobnyy-sergiy-radonezhskiy> (дата обращения: 30.04.2021).

¹³⁶ Синельникова Г. П. Неожитие Б. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Культура и текст, 2005. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neozhitie-b-zaytseva-prepodobnyy-sergiy-radonezhskiy> (дата обращения: 30.03.2021).

Тем не менее, мы относим к этому произведению эпитет «житийный», опираясь на исследования вышеупомянутых учёных. Кроме того, что очерк Б. К. Зайцева опирается на «Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия Чудотворца» Епифания Премудрого, он также обладает некоторыми характерными признаками жанра жития. Писатель не только использует композицию, сюжеты сочинения древнерусского агиографа. Он перекладывает житие Сергия Радонежского в соответствии с требованиями времени, прозы начала XX-го века, а также той учительной задачи, которую поставил себе автор. Далее мы разберём, как именно трансформируется в очерке Б. К. Зайцева житийный канон и как это влияет на содержательный уровень текста.

Обратим внимание на то, как учёный-медиевист, В. П. Адрианова-Перетц, писала о связи между жанром произведения и личностью его автора: «Само представление наше о кругозоре древнерусского писателя (и читателя) останется односторонним, если мы не будем учитывать и те идейно-художественные впечатления, какие он получал от жанров, облеченных в религиозную форму»¹³⁷. Древнерусская литература, по образцу византийской, являлась канонической (от греч. образец, правило) и требовала особой организации текста – как композиционной, так и смысловой.

Жития преподобных в литературе Древней Руси представляли собой самый распространённый жанр. Т. Д. Руди отмечала, что «художественной доминантой монашеских житий является мотив подражания (и/или уподобления) ангелам».¹³⁸ Автор такого жития использует метафоры, сравнения и многочисленные формулы, стремясь показать сходство святого с ангелом. Учёный также выделяет ряд устойчивых мотивов, свойственных

¹³⁷ Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси //ТОДРЛ, М., Л., 1964. С. 29.

¹³⁸ Руди Т. Д. Жития святых / // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 289.

житиям такого типа: «Мечта святого с детских лет о постриге; стремление святого избежать брака; тайный уход из дома; плач родителей о сыне как о мертвом; первоначальный отказ игумена в постриге, мотивированный молодостью героя и тяжестью постнического жития; формула пострига (вместе с острижением волос подвижник оставляет и все мирские помыслы); труды на братию монастыря (монастырские службы) и аскетические подвиги святого (строгий пост, ношение власяницы или вериг, «худые ризы», малый сон (часто сидя или стоя), молчаливость и др.); нежелание «славы от человек» и уход в пустыню с целью ее избегнуть; борьба с бесами; собрание братии и устройство нового монастыря; предсмертное наставление братии; преставление святого и плач иноков обители о преставившемся наставнике»¹³⁹. Нетрудно заметить, что житие Епифания Премудрого отвечает не всем чертам жития преподобного. Нетипичная жизнь святого Сергия Радонежского (особенно в детские годы) позволяет отнести этот текст к ряду особенно сложных для анализа житий. Разберём понятие жития как жанра, чтобы выделить основные его формулы и на их основе произвести сопоставительный анализ текстов.

Е. Н. Никулина, учёный-теолог, определяет житие как «словесную икону святого, его идеальный образ»¹⁴⁰. Жанр жития имеет кольцевую композицию – его «обрамляет» введение и послесловие агиографа. В начале автор использует самоуничижительные формулы, говорит о своём достоинстве и просит помощи у Бога в изображении подвига святого. Композиция жития Епифания Премудрого является традиционной для житийного канона древнерусской литературы. В начале произведения читаем: «Как могу я, бедный, в нынешнее время все житие Сергия по порядку написать, и о многих делах его и бесчисленных трудах его рассказать? <...> Где

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Никулина Е. Н. Агиология. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. С. 212.

найду мудрость, нужную для этого рассказа? <...> Как не может маленькая лодка удержать большой и тяжелый груз, так не может вынести наше бессилие и ум этого рассказа»¹⁴¹. Агиограф называет себя также «грубым», «неразумным» и «недостойным». В соответствии с каноном в начале жития он благодарит Бога и обращается к святому (Сергию Радонежскому) с просьбой о покровительстве.

В основной части описания земного пути святого присутствуют все обязательные элементы: упоминание благочестивых родителей, похвала родине, месту его рождения, описывается его святость с юного возраста: «Такою благодать Господь даровал ему, больше, чем другим младенцам новорожденным, и такими знаменами проявилось премудрое Божье промышление о нем»¹⁴². Этот фрагмент интересен тем, что обычно в житиях святой быстро постигает учение в юном возрасте, а в произведении Епифания Премудрого Варфоломей представлен как не прилежный и медленный ученик, получивший грамоту от Бога. В житие святого в рамках канона описан аскетичный путь к Богу, рассказ о его смерти и чудесах. Этот сюжет вдохновил М. В. Нестерова для написания картины «Видение отроку Варфоломею».

Никулина Е. Н. пишет, что «житие рисует духовный портрет святого, рассказывает о его пути к святости, о типе его подвига»¹⁴³. Мистический опыт подвига православных святых в сознании церковного человека становится высшей духовной ценностью и опорой Святой Руси. Святые подвижники, особо почитаемые Церковью, как правило, достигли состояния обожения и полного воссоединения с Богом через преображение души и восстановление своей первоначальной, негреховной природы. Путь Сергия Радонежского, описанный в соответствии с житийным каноном, послужил материалом и

¹⁴¹ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Никулина Е. Н. Агиология. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. 312 с.

вдохновением для идеи Б. К. Зайцева, который пытался найти истоки русской святости в жизнеописании христианских подвижников и их духовного подвига. Тем самым писатель стремился актуализировать, возродить утраченное «знание», память о истинной природе русского человека.

«Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского» Епифания Премудрого начинается в духе церковной службы: «Слава Богу за все и за всяческие дела, за которые всегда прославляется великое и трисвятое имя, которое и вечно прославляемо! Слава Богу вышнему, в Троице славимому, который упование, свет и жизнь наша, в которого мы веруем, ради которого мы крестились, им мы живем, и движемся, и существуем!»¹⁴⁴. Этот фрагмент похож на молитву в традиции исихазма. Епифаний Премудрый, в соответствии с житийным каноном, начинает своё сочинение с обращения к Богу, тем самым побуждая к молитве и самого читателя. Во вступлении агиограф также использует характерную черту стиля «плетения словес» – повтор и нанизывание однокоренных слов: «Слава показавшему нам жизнь мужа святого и старца духовного! Ведь Господь знает, как *прославлять славящих* его и *благословлять благословляющих* его, и он всегда *прославляет* своих угодников, *славящих* его жизнью чистой, и богоугодной, и добродетельной.»¹⁴⁵. Этот приём усиливает эмоциональную окраску изображаемого и первоначально создаёт глубокую палитру понятия «слава», которое представляет собой смысл и идейную составляющую жития святого – прославление его духовной жизни.

Именно с целью выполнить эту задачу Епифаний Премудрый искусно использует свой святой дар – умение красиво говорить и писать. «Плетение словес» в сочинении агиографа отсылает нас к гимнографической,

¹⁴⁴ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁴⁵ Там же.

«прославляющей» традиции. Гимны в понимании Церкви служили для продолжительной молитвы, которая бы способствовала отрешению человека от земного и приближала бы его к Богу – на уровне звука, слова (Бог-Логос-Слово), синтаксиса и пр.

Б. К. Зайцев во введении к житийному очерку опускает молитвенную формулу, однако сохраняет конструкцию обращения. Только в данном случае он обращается не к Богу, по примеру Епифания Премудрого, а к человеку – читателю, для которого личность святого Сергия Радонежского, по мнению писателя, должна произвести некоторые перемены в сознании и направить на путь праведной жизни, берущий своё начало в Святой Руси. Б. К. Зайцев в начале очерка писал: «Жизнь "бесталанна" без героя. Героический дух средневековья, породивший столько святости, дал здесь блистательное свое проявление»¹⁴⁶. Писатель также использует слово «слава» в следующем контексте: «Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушел одной из величайших *слав* России»¹⁴⁷. Таким образом, замечаем схожую смысловую основу, которая связывает и житие Епифания Премудрого, и житийный очерк Б. К. Зайцева – величие подвига святого, его «глубокое созвучие народу»¹⁴⁸ прославили его образ не только как члена русской Церкви, но и как заступника Руси. И, по мнению Б. К. Зайцева, его незримое заступничество ощущается до сих пор.

Житие Епифания Премудрого и житийный очерк Б. К. Зайцева имеют традиционное деление по главам, название которых отражает суть описанного сюжета. Однако, количество глав в древнерусском житие значительно превышает количество глав в переложении Б. К. Зайцева (31 против 10).

¹⁴⁶ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 18.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

Кроме того, мы видим абсолютно различные названия и, как следствие, некоторые расхождения в повествовании о жизни святого.

В житии Епифания Премудрого первая глава называется «Начало жития Сергия». Земной путь святого начинается с чудесного рождения у благочестивых родителей: «Преподобный отец наш Сергий родился от родителей *благородных и благоверных*: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были *Божьи* угодники, правдивые перед *Богом* и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что *Бог* любит»¹⁴⁹. Здесь мы также замечаем черты стиля «плетения словес», многочисленные повторы, которые создают особую интонацию. Первое чудо свершилось ещё до рождения Сергия: о его рождении пришло знамение и его мать «носила младенца в утробе как некое бесценное сокровище, и как драгоценный камень, и как чудесный жемчуг, и как сосуд избранный»¹⁵⁰. Впоследствии он был обещан Богу и ещё в младенческом возрасте уже обнаружил в себе благодать Святого Духа: побудил свою мать к воздержанию от мясной пищи, не ел и не пил по средам и пятницам, не проявлял признаки уныния, но всегда был весел и игрив, а крестивший его иерей понял, что младенец избранный. В этой главе Епифаний Премудрый, в соответствии с каноном, также вспоминает ветхозаветных и новозаветных святых, с которыми случались подобные чудеса.

Описание чудесного начала жизни Сергия в этой главе действительно представляется очень подробным и длинным, всячески украшается метафоричными конструкциями и усложнением синтаксических оборотов. Епифаний Премудрый писал: «Так и следовало с чудесным знамением родиться такому ребенку, чтобы поняли другие люди, что у такого

¹⁴⁹ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁵⁰ Там же.

удивительного человека *удивительно и зачатие, и рождение, и воспитание*. Такую благодать Господь даровал ему, больше, чем другим младенцам новорожденным, и такими знаменами проявилось премудрое Божье промышление о нем»¹⁵¹.

В первой главе житийного очерка «Весна» Б. К. Зайцев практически не упоминает о чудесах младенческой жизни Сергия. Этот период он определяет следующим образом: «Детство Сергия, в доме родительском, для нас *в тумане*»¹⁵². Автору эпизоды ранних лет святого представляются неясными и не совсем показательными. Он в духе жанра биографии начинает своё повествование в «светском» стиле: описывает, где было имение родителей Сергия, по какой дороге к нему можно было добраться, социальное положение его семьи (бояре). Б. К. Зайцев особое внимание уделяет личным качествам людей, которые сопровождали святого на протяжении всей его земной жизни. О родителях святого автор отзывается так: «Они были люди тихие, спокойные, с крепким и серьезным складом жизни. <...> Родителей можно представить себе людьми почтенными и справедливыми, религиозными в высокой степени. Известно, что особенно они были "страннолюбивы". Помогали бедным и охотно принимали странников. Вероятно, в чинной жизни странники – то начало ищущее, мечтательно-противящееся обыденности, которое и в судьбе Варфоломея роль сыграло»¹⁵³. Здесь мы также видим ряд синонимов, метафорические конструкции, но это далеко не стиль «плетения словес». В этом фрагменте каждое изобразительно-выразительное средство направлено не на возвышение и прославление жизни святого и не на приближение его образа к ангельскому подобию – каждый оборот носит дополнительный смысл. Например, определение странников как «начала

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 20.

¹⁵³ Там же.

ищущего» содержит элемент умолчания и вызывает ряд вопросов: о каком начале идёт речь, связано ли это с духовным поиском истоков Святой Руси, который совершает Б. К. Зайцев, почему странники «ищут» и т.д.

Примечательно также и то, что писатель акцентирует внимание на том, что родители своей благочестивой жизнью действительно сыграли в судьбе Сергия важную роль, показав ему пример праведного существования. Кроме того, Б. К. Зайцев указывает на влияние странников, которые «мечтательно противились обыденности», как это будет делать преподобный впоследствии. В житии Епифания Премудрого влияющим на жизнь отрока Варфоломея фактором выступает Бог и Святой Дух.

Исключительность святого с его ранних лет жизни, которую так подробно и пышно описывает Епифаний Премудрый в житии, Б. К. Зайцев выразил в одном предложении: «Особенный оттенок, отличающий его, лежит на ребенке с самого раннего детства»¹⁵⁴.

В начале главы «Весна» писатель указывает год рождения Сергия (1314-1322) и в примечании даёт подробное описание такого расхождения. Епифаний Премудрый делал попытку описать в житие год рождения святого, но без конкретики, в духе древнерусских книжников: «в княжение великое Тверское, при Великом Князе Дмитрие Михайловиче, при Архиепископе Петре Митрополите всея Руси»¹⁵⁵. Б. К. Зайцев писал об этом следующее: «Жизнеописатель глухо, противоречиво говорит об этом»¹⁵⁶. Автор житийного очерка весьма серьёзно относится к конкретике и точным фактам, когда речь идёт об описании жизни того или иного человека (это прослеживается и в его

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁵⁶ Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 20.

жизнеописаниях, и в биографиях писателей русской классики, и в мемуарах в том числе). Отсюда такое резкое определение метода Епифания Премудрого.

Далее Б. К. Зайцев углубляется в характер юного Сергия и даёт нам понимание о том, чем он занимался в юношеском возрасте: «мальчиком Сергия (а тогда – Варфоломея) посыпали за лошадьми в поле. Значит, он умел и спутать их, и обратять. И подведя к какому-нибудь пню, ухватив за челку, вспрыгнуть, с торжеством рысцою гнать домой. Быть может, он гонял их и в ночное. И, конечно, не был барчуком»¹⁵⁷.

Интересен стиль следующего фрагмента, который повествует об отношениях юного Сергия с учением (по примеру жития Епифания Премудрого): «Семи лет Варфоломея отдали учиться грамоте, в церковную школу, вместе с братом Стефаном. Стефан учился хорошо. Варфоломею же наука не давалась. Как и позже Сергей, маленький Варфоломей очень упорен и старается, но нет успеха. Он огорчен. Учитель иногда его наказывает. Товарищи смеются и родители усовещивают. Варфоломей плачет одиноко, но вперед не двигается»¹⁵⁸. Синтаксическое построение этого отрывка основывается на парцелляции. Такой способ членения текста позволяет расставить смысловые акценты и подчеркнуть важность описываемого события. Также мы можем заметить эффект длительности изображаемого во времени – парцелляция «растягивает» в глазах читателя процесс и без того тяжёлого обучения юного Сергия.

В житии Епифания Премудрого тот же самый смысловой фрагмент лишён примет стиля «плетения словес» и тоже некоторым образом выбивается из общей канвы повествования. Заканчивается он словами: «Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту

¹⁵⁷ Там же. С. 19.

¹⁵⁸ Там же. С. 20.

эту, научи ты меня и вразуми меня»¹⁵⁹. Несмотря на то, что оба автора стремились подчеркнуть эмоциональную напряжённость этого момента, Епифаний Премудрый заканчивает фрагмент словами обращения к Богу и его покровительству. Б. К. Зайцев же подчёркивает одиночество отрока в этот момент.

Вторая глава жития, «О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей», повествует о явлении старца отроку Варфоломею. В начале Епифаний Премудрый упоминает, что предпосылкой этой встречи послужило то, что отец отправил юного Сергия искать пропавших лошадей. Далее он описывает встретившегося ему старца как «черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера, благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со слезами молящегося»¹⁶⁰. Здесь агиограф использует синонимический ряд именовании старца в попытке выразить «невыразимый» его облик. По описанию и определению «подобный ангелу» можем сделать вывод, что перед нами преподобный, монах, который может говорить от имени Бога. Старец благословил отрока и даровал ему от Бога знание грамоты.

Известен дальнейший сюжет главы, когда отрок приглашает старца в дом к родителям. Мать Варфоломея спрашивала монаха о том крике, который издал ребёнок в утробе во время литургии, на что тот ответил, что это признак божьей благодати. Примечателен тот факт, что об этом чуде ранней жизни Сергия не говорится в житийном очерке Б. К. Зайцева. Для писателя представляли наибольшую важность «учительные», прижизненные чудеса святого Сергия, которые могли бы послужить примером для утративших надежду людей послереволюционного времени.

¹⁵⁹ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁶⁰ Там же.

Заканчивается глава жития Епифания Премудрого уже традиционной формулой в стиле «плетения словес»: «Достоин был даров духовных добрый сей отрок, который от самых пеленок Бога познал, и Бога возлюбил, и Богом спасен был»¹⁶¹. Перед нами явный синтаксический параллелизм и даже особый стихотворный ритм, звучание, которое создаётся на уровне анафоры (звук *д*, *б*) и эпифоры (звук *о*). Перед нами своеобразная кульминация сюжета сближения отрока Варфоломея с Богом.

В житийном очерке Б. К. Зайцева этому эпизоду также уделяется особое внимание. Писатель начинает описание сюжета встречи старца с юным Сергием со слов: «И вот, деревенская картинка, так близкая, и так понятная через шестьсот лет»¹⁶². Перед нами явная эмоциональная окраска изображаемого – мы видим самого автора и его рассуждения. Он протягивает незримую нить через эпохи, соединяя тем самым времена Московской Руси и послереволюционное время. Деревенская «пастораль» остаётся приятной сердцу русского человека, по мнению писателя, вне зависимости от течения времени.

В этом отрывке Б. К. Зайцев, в отличие от Епифания Премудрого, приводит множество бытовых деталей, подробно описывает, как мальчик ищет лошадей и обращается к прошлому Варфоломея: «Наверно, мальчик уж не раз бродил так, по полям, в лесу, быть может, у побережья озера ростовского, и кликал их, похлопывал бичом, волочил недоуздки»¹⁶³. Писатель называет отрока мечтательным, отмечает его любовь к уединению и природе и пишет о такой черте его характера как добросовестность, которая определяет всю его земную жизнь. Интересно, что процесс благословления Варфоломея старцем Б. К. Зайцев описывает очень

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // *Зайцев Б. К.* Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 21.

¹⁶³ Там же.

подробно, стараясь не упустить ни одной детали, подражая Епифанию Премудрому. Сравним:

- «Варфоломей сквозь слезы рассказал об огорчениях своих, и просил молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту. И под тем же дубом стал старец на молитву. Рядом с ним Варфоломей – через плечо недоуздки. Окончив, незнакомец вынул из-за пазухи ковчежец, взял частицу просфоры, благословил ею Варфоломея и велел съесть. Это дается тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания»¹⁶⁴.
- «Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мошны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, – это тебе дается знамение благодати Божьей и понимания Святого писания»¹⁶⁵.

Здесь мы видим схожую обязательную совместную молитву старца и отрока, вкушение им просфоры и наставление монаха.

Последняя глава о юности Сергия в житии Епифания Премудрого носит название «О юных годах». Здесь агиограф описывает, как отрок «проявил в себе разум, достойный старца»¹⁶⁶. Он много постился, молился и смог противостоять искушавшей его матери. Епифаний Премудрый писал: «И всячески всегда он изнурял тело свое, и иссушал плоть свою, и чистоту душевную и телесную без осквернения соблюдал, и часто он в тайном месте один со слезами молился Богу»¹⁶⁷. Мысль эта повторяется книжником

¹⁶⁴ Там же. С. 22.

¹⁶⁵ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

множество раз, и в этом эпизоде мы впервые видим молитву Сергия – подвижническую, отшельническую и самозабвенную. Ту самую молитву, которая впоследствии будет составлять основу его монашеской аскезы и духовного подвига.

Описанием этого эпизода завершает Б. К. Зайцев главу «Весна». Но выстраивает он его не как повествование о жизнеописании Сергия, а как собственную оценку всей его юношеской жизни. Писатель вновь рисует словесную икону отрока, составляет портрет его личности: «...знак скромности, смирения есть в том, что будущий святой не мог естественно обучиться грамоте»¹⁶⁸. Интересно, что здесь же Б. К. Зайцев отмечает источник силы Сергия Радонежского – писатель видит его не в успехах в науке (что обычно воспринимается нами и людьми того времени как высшая точка человеческой исключительности и одарённости), а в «непосредственной, живой связи с Богом»¹⁶⁹.

В этом фрагменте Б. К. Зайцев начинает прокладывать путь к истокам русской святости. Он выделяет в отроке Варфоломее его серьёзность, решительность, и указывает на то, что «его ведет – призвание»¹⁷⁰. Непросто оставаться собой, пребывая в согласии и гармонии с окружающим миром. В конце главы читаем: «Живя, он с жизнью, семьей, духом родного дома и считался, как и с ним семья считалась. Потому к нему неприменима судьба бегства и разрыва»¹⁷¹. Следует отметить, что именно «бегство» и «разрыв» связей с низшим миром были присущи многим преподобным и монахам-отшельникам. Сергий Радонежский своим духовным подвигом показал пример иной аскезы, которая заключалась в принятии самого себя и единении

¹⁶⁸ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 22.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. С. 23.

¹⁷¹ Там же. С. 34.

с окружающим миром. Подчеркнём, что к этому благодатному состоянию он приблизился, будучи ещё в юношеском возрасте.

Первая глава житийного очерка Б. К. Зайцева носит название «Весна», хотя в повествовании нет ни слова о времени года. Такое метафоричное обозначение можно соотнести не с буквальным временем года, а с временем расцвета, рождения отрока Варфоломея как будущего святого – преподобного Сергия Радонежского.

Следующая глава жития Епифания Премудрого, «О переселении родителей святого», повествует преимущественно о житейских делах Сергия и его семьи. Агиограф начинает свой рассказ со следующих слов: «Этот ранее названный раб Божий Кирилл прежде обладал большим имением в Ростовской области, был он боярином, *одним из славных и известных бояр, владел большим богатством*, но к концу жизни в старости обнищал и впал в бедность»¹⁷². До этого мы уже приводили фрагмент из житийного очерка Б. К. Зайцева, который также упоминал боярское происхождение семьи Сергия Радонежского. Однако в данном случае Епифаний Премудрый не обращает внимание на качества характера отца Сергия, не упоминает его мать, что вполне соответствует представлению о мире средневекового человека. Агиограф выделяет только «внешние» качества Кирилла, которые являются оценочными суждениями о нём со стороны (славный, известный, богатый). В этом небольшом фрагменте кроется представление о психологии человека и мировоззрение целой эпохи.

Далее Епифаний Премудрый описывает переселение родителей Сергия из Ростова в Радонеж и объясняет исторические предпосылки, предшествовавшие этому событию. Несмотря на несколько «бытовой» характер повествования, древнерусский автор не забывает упомянуть

¹⁷² Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

добродетельного Сергия: «Отрок же *преславный, преславного* отца сын, о котором мы речь ведем, подвижник, о котором всегда помнят, родившийся от родителей благородных и благоверных, вырос как от доброго корня добрая ветвь, воплотив в себе всяческие достоинства доброго корня этого. Ведь с молодых лет он был подобен саду благородному и вырос как богатый плод, был отроком красивым и благонравным»¹⁷³. Ранее и впоследствии, когда речь идёт о преподобном, стиль «плетения словес» будет проявляться всё сильнее и сильнее. К примеру, в этом отрывке мы видим многочисленные повторы и метафоры (преславный/преславного, благородных/благоверных/благонравны, сравнение Сергия с сыном доброго коня и с растущим богатым плодом).

Можем объяснить это тем, что со временем вокруг Сергия складывается особенная Божественная благодать, и она, в течение всего его земного пути, с каждым разом становится всё заметнее.

Далее мы замечаем типичный для жития преподобного мотив – искреннее желание уйти в монашескую обитель и препятствие тому его родителей. Епифаний Премудрый подробно описывает, как после смерти родных Сергей «начал расставаться с житейскими заботами этого мира»¹⁷⁴: ощутил в себе презрение к вещам, стал вспоминать Священное Писание и слова апостолов, молиться. Он вспомнил слова Павла: ««Я за сор все почитаю, чтобы приобрести Христа»¹⁷⁵, и эти слова, судя по жизнеописанию святого, стали основой его праведной подвижнической жизни.

Дальнейшее повествование в этой главе строится Епифанием Премудрым больше в духе настоящего «светского» рассказа: мы видим диалоги между Сергием и его братом Стефаном, процесс поиска ими пустыни и постройки на нём храма, отчаяние старшего брата святого, его немощь и уход в монашескую келью в Москве. Сергия же агиограф называет здесь

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

«пустыннолюбцем и пустынножителем»¹⁷⁶ и экспрессивно вопрошает, заканчивая главу множеством риторических вопросов: «Разве не сообщают они захотели и стали жить на месте том? Разве не вместе они решили обосноваться в малой той пустыни? Как же расстались они друг с другом?»¹⁷⁷. Здесь мы можем отметить явное эмоциональное авторское начало, которое стало проявляться в текстах древнерусских книжников в эпоху русского Предвозрождения.

Заканчивает Епифаний Премудрый эту главу рефреном, согласно житийному канону: просит прощение за то, что растягивал рассказ о младенчестве святого, ещё раз упоминает добродетели Сергия и прославляет небесное покровительство и мудрость Бога.

Повествование о начале пустынножизни святого в очерке Б. К. Зайцева идёт с главы «Выступление». Писатель начинает её с пространного размышления и со слов «Трудно вообще сказать, когда легка была жизнь человеческая»¹⁷⁸. Он продолжает связывать различные эпохи на Руси в единое целое, проводит нить от прошлого к настоящему. Вслед за Епифанием Премудрым он упоминает историю татаро-монгольского нашествия во времена отрочества Сергия, даёт авторскую оценку правлению князей (чего мы не увидим в древнерусском житии), называя их «насилъниками» наряду с татарами. Б. К. Зайцев акцентирует внимание на том, что не государство послужило укреплению русской земли и борьбе с иноземными захватчиками, а только русский народ: «Через сто лет Москва незыблемо поднялась над удельною сумятицей, татар сломила и Россию создала»¹⁷⁹. Эту же мысль мы не раз отмечали в его мемуарах.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ *Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 24.*

¹⁷⁹ Там же.

Дальнейшее повествование на сюжетном уровне совпадает с рассказом Епифания Премудрого. Однако, Б. К. Зайцев часто прерывает его собственными размышлениями: «Возможно, что задумчивый Варфоломей, стремясь уйти, и чувствовал, что начинает дело крупное. Но представлял ли ясно, что задуманный им подвиг не одной его души касается? Что уходя к медведям Радонежским, он приобретает некую опору для воздействия на жалкий и корыстный мир? Что, от него отказываясь, начинает длительную, многолетнюю работу просветления, облагораживания мира этого?»¹⁸⁰. Писатель XX-го века вслед за средневековым своим предшественником задаёт риторические вопросы и обозначает круг добрых дел, к которым праведная жизнь отрока приведёт его в будущем.

Б. К. Зайцев подробнее, чем древнерусский агиограф, описывает терпение и смирение Сергия в его ожидании разрешения родителей на собственное монашество. Писатель особенно выделяет, что отрок «послушался» и отсылает нас к другим житиям преподобных, чтобы показать исключительность поступка Сергия: «Св. Франциск ушел, конечно бы, отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига. Варфоломей сдержался. Выждал»¹⁸¹.

Интересно, что Б. К. Зайцев уделяет внимание описанию лесов, в которые ушёл святой вместе со своим старшим братом Стефаном. Он пишет обо всём лесном хозяйстве, которое тогда было в русских землях, о его богатстве и изобилии: «Стоило пожелать, и где угодно можно было ставить хижину, копать пещеру и устраиваться. Не вся земля принадлежала частным лицам»¹⁸². Далее писатель отмечает тот факт, как легко было основать церковь в любом месте русской земли с благословения местного святителя или князя. Б. К. Зайцев не упускает случая обратиться к контексту эпохи, написать

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. С. 25.

историческую справку и дать возможность читателю-современнику сравнить свою жизнь в России с жизнью людей той эпохи. В частности, в данном фрагменте можно даже усмотреть политический подтекст (закон о землевладении, церковной десятине и пр.).

Особенно подробно (в отличие от Епифания Премудрого) автор житийного очерка описывает процесс возведения церкви: как братья выбирали место для её постройки, учились плотническому ремеслу и рубили избы «в лапу». В дальнейшем повествовании Б. К. Зайцев будет часто обращаться к этому необычному умению святого. Он пишет: «В сосновых лесах он возрос, выучился ремеслу, через столетия сохранил облик плотника-святого, неустанного строителя сеней, церквей, келий, и в благоуханьи его святости так явствен аромат сосновой стружки. Поистине преподобный Сергей мог считаться покровителем этого великорусского ремесла»¹⁸³. Несмотря на то, что стиль «плетения словес» не был характерен для писателей начала XX-го века, Б. К. Зайцев в данном фрагменте воспроизвёл его практически образцово. Однородные члены (сказуемые, подтверждающие деятельность Сергея), синонимический ряд именовании святого (связанный с его трудолюбием и плодами его работы) и узорчатая метафора (в благоуханьи его святости так явствен аромат сосновой стружки) – все эти элементы придают особый эмоциональный оттенок этому отрывку, и в данном случае этот приём заимствован писателем у Епифания Премудрого.

Название главы «Выступление» говорит нам о том моменте, когда Сергей перешёл во взрослую жизнь, «выступил» как человек деятельный и смиренный, и впервые предоставил результат своего труда миру (пока только физического, в виде церкви Маковицы).

Следующая глава жития Епифания Премудрого носит название «О пострижении Варфоломея, которое стало началом иноческой жизни святого».

¹⁸³ Там же.

Здесь агиограф часто упоминает «ангельский образ», который должен был принять святой и в который его постригли. Преподобие Сергия постоянно подчёркивается Епифанием Премудрым на протяжении всей главы. Читаем слова святого: «Я так жажду этого [пострига], как олень стремится к источнику водному; так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни»¹⁸⁴. Перед нами интересный элемент проявления стиля «плетения словес» — Сергий под пером агиографа сравнивает себя с животным и ставит свою жизнь наряду с жизнью оленя. Близость к природе, миру животных и растений святого мы ещё не раз обнаружим в его жизнеописании.

Далее следует детальное (как в первой главе) описание пострижения Варфоломея в монахи, описание обряда службы и причастия, а также обязательное чудо, сопровождавшее этот переход: «...когда Сергий причастился святых тайн, тогда внезапно наполнилась вся церковь благоуханием»¹⁸⁵.

После пострига снова возникают животные образы, которые обретают символичность в «плетении словес»: «...все узы мирские он разорвал, — как некий орел, легкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает — так и этот преподобный оставил мир и все мирское»¹⁸⁶, «Истомилась душа моя по дворам Господним; сердце мое и плоть моя возрадовались о Боге живом. И птица находит себе жилье, и горлица гнездо себе, где положить птенцов своих»¹⁸⁷.

Заканчивается глава диалогом между Сергием и игуменом, у которого тот просит благословения. После агиограф в очередной раз подчёркивает молодость тела и старость духа Сергия и включает в этот фрагмент своё

¹⁸⁴ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

рассуждение о тяготах и лишениях святого, живущего в пустыне: «Стойкая и святая его душа мужественно выносила все вдали от всякого лица человеческого, прилежно и непорочно хранила устав жизни иноческой, беспорочно, не спотыкаясь и оставаясь чистой»¹⁸⁸. Епифаний Премудрый перемежает восхищения о силе духа святого новыми описаниями его трудной жизни в пустыни: «Кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стояние без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток»¹⁸⁹. Стиль «плетения словес» и нанизывание однородных конструкций в этом фрагменте доходят до высшей точки, имитируя исихастский текст. Покровительство Божьей благодати настолько контрастирует с суровой пустынной жизнью, что в этой беспрестанной духовной борьбе мы видим Сергия особенно добродетельным и ангелу подобным.

В житийном очерке Б. К. Зайцева эта глава называется «Отшельник». В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона читаем: «*Отшельники* – аскеты, христианские подвижники, отшедшие, т. е. удалившиеся от общества в места уединенные, чтобы с большим удобством предаваться подвигам аскетизма»¹⁹⁰. По заглавию мы можем понять, что для писателя был не столько важен постриг Сергия (как в житии Епифания Премудрого), столько его последствия – пустынножизненная, уединённая жизнь в соответствии с мистической традицией исихазма, совершение тем самым духовного подвига аскетизма и приближения к благодати Божьей.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. Т. 43. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1897. С. 324.

Б. К. Зайцев также, как Епифаний, подробно описывает постриг Сергия, а о его длинном диалоге с игуменом отзывается коротко, но ёмко: «Игумен поддержал его и успокоил, сколько мог. И молодой монах один остался среди сумрачных своих лесов»¹⁹¹. Далее писатель рассуждает о тяжести пустынножизни святого, но делает это несколько иначе, чем Епифаний Премудрый. Средневековый автор подробно описывает лишения, жалеет святого и указывает на небесное покровительство Бога перед ним. Б. К. Зайцев же видит в аскезе Сергия пример и вписывает его в пласт «тысячелетнего опыта монашества»¹⁹². Он называет монашеский путь «наукой духовного самовоспитания»¹⁹³, «борьбой за организованность человеческой души»¹⁹⁴. На наш взгляд, именно эти черты аскетизма вдохновили писателя и побудили его обратиться к образу Сергия Радонежского как к образцу праведной жизни для своих современников. Разрозненные, разбросанные по миру русские эмигранты остро нуждались в объединении на почве своей народности и её добродетельных качеств. В «выглаживании, выпрямлении души к единой вертикали»¹⁹⁵ Б. К. Зайцев видел возвращение человека к истоку, который мы утратили. «Духопроводность»¹⁹⁶ (по примеру теплопроводности) человеческой души позволяет ему, невзирая на обстоятельства, ощущать присутствие Бога в своей жизни, его покровительство, и не терять надежду даже в самые тяжёлые времена. Этому нас и людей начала XX-го учит пустынножизнь Сергия Радонежского.

Примечательно то, что в тех случаях, когда Епифаний Премудрый обращается к опыту Священного Писания и отцов Церкви, Б. К. Зайцев вспоминает других святых монахов-отшельников, сравнивает их

¹⁹¹ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь : Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 26.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. С. 27.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же

¹⁹⁶ Там же. С. 28.

жизнеописание с жизнью Сергия. Например, в данном фрагменте он отсылает читателя к духовному мистическому опыту Св. Василия Великого, «вождя монашества»¹⁹⁷.

Последующее содержание главы житийного очерка Б. К. Зайцева отражено в главе «Об изгнании бесов молитвами святого» в житии Епифания Премудрого. Здесь мы видим типичный сюжет жития преподобного – искушение его бесами. Трижды являлись они ему в его обители, но «твердого душой и храброго подвижника»¹⁹⁸ оберегал Бог, и он потому остался невредим.

Следующее чудо, описанное в этой главе, было связано с животным – медведем, который заходил в обитель Сергия. Он кормил зверя, принимал его у себя и кормил. Епифаний Премудрый несколько раз повторяет различными словами схожие по смыслу фразы: «И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить»¹⁹⁹. Все испытания святой принимал с благодарностью, не роптал и уповал на Божью помощь. Агиограф об этом пишет: «И преподобный возложил на Господа печаль свою, и возложил на Бога упование свое, и Всевышнего сделал убежищем своим, и пребывал он от страха без страха, и без пакости, и без вреда»²⁰⁰.

Известен дальнейший сюжет этой главы жития. Бог направил к Сергию несколько богобоязненных монахов, который принял их, убедившись в «вере их и усердии»²⁰¹. В этом фрагменте беседы преподобного с монахами мы впервые видим его как проповедника, так как он долго отговаривает их остаться жить с ним в обители, рассказывая про предстоящие тяготы жизни.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

Для этой главы характерен повествовательный характер. Епифаний Премудрый в стиле «плетения словес», который встречается в ключевых фрагментах текста, перечисляет добродетели Сергия, которые он воспитывал в своей братии: «...голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный»²⁰². Святой наставлял монахов в праведности, учил их труду, строительству, своей жизнью подавал пример братии.

В этой же главе мы видим душевную борьбу Сергия в принятии им церковного сана игумена. Трижды ходила к нему братия с просьбой, а он ей отказывал в порыве своей духовной аскезы. Только когда епископ Афанасий Волынский сказал святому: «Возлюбленный! Всем обладаешь ты, а послушания нет у тебя»²⁰³, - Сергей уступил и стал игуменом. Это очень показательный фрагмент. Преподобный собирался всю жизнь прожить в послушании, и Епифаний Премудрый именно здесь акцентирует внимание на раскаянии Сергия в своём ропоте. Агиограф пишет: «Благодаря боголюбивому нраву Сергия случилось это, из-за Божьего промысла это произошло; ибо не по своей воле Сергей игуменство получил, но от Бога поручено было ему начальство»²⁰⁴. Епифаний Премудрый здесь «защищается» от имени преподобного, объясняет, почему он не мог не принять сан и опирается в этом на Божий промысел.

Б. К. Зайцев в житийном очерке этим сюжетом заканчивает главу «Отшельник». Очень живописно он рассказывает об искушении Сергия дьяволом, добавляет красочные описания явлению «полка бесовского»:

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

«Бросались на него со свистом, скрежетом зубов»²⁰⁵. Силу духа преподобного писатель прославляет здесь особенно явно. Он использует приём парцелляции в следующем фрагменте «Он упорен, терпелив, и он "боголюбив". Прохладный и прозрачный дух. И с ним Божественная помощь, как отзыв на тяготенье. Он одолевает»²⁰⁶. Особенно здесь интересна метафора «прохладный и прозрачный дух», которую Б. К. Зайцев относит к святому Сергию. В ней угадывается символистский подтекст.

Писатель продолжает описывать житийную икону преподобного: «Быть может, защищало и природное спокойствие, ненадломленность, несэкстатичность. В нем решительно ничего нет болезненного. Полный дух Св. Троицы вел его суховатым, одиноко-чистым путем среди благоухания сосен и елей Радонежа»²⁰⁷. Б. К. Зайцев подобно художнику рисует не только яркий портрет Сергия, но и живо описывает атмосферу окружавшей его обители. Житие Епифания Премудрого лишено этих «земных» деталей, поэтому духовный подвиг святого кажется отчасти недостижимым. Автор житийного очерка приближает образ преподобного к миру, поселяет его в обыкновенном лесу, со своими запахами и ландшафтом, наделяет его простыми человеческими качествами, которые можно изменить в добродетели, совершив духовный подвиг.

Следующая глава житийного очерка называется «Игумен». В начале её описывается принятие Сергием церковного сана. Детально описывает Б. К. Зайцев (по примеру Епифания Премудрого) все подробности этого события в присущей ему биографической манере, сопровождая своё повествование фактами из истории.

²⁰⁵ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 28.

²⁰⁶ Там же. С. 27.

²⁰⁷ Там же.

Вернёмся к житию Епифания Премудрого и к следующей главе, «О начале игуменства святого». Агиограф описывает здесь учительную деятельность святого Сергия Радонежского и его наставления братии. Однако Епифаний отмечает, что «наставляя братию, немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами»²⁰⁸. И действительно, мы не так много видим наставлений самого святого, сколько сказанных им изречений святых и апостолов Церкви. Чудом заканчивается эта глава – приход нового члена братии Симона, архимандрита смоленского, который «разрушил число двенадцать; и с тех пор, с того дня, братия умножалась все более, и уже они исчислялись большим числом, чем двенадцать»²⁰⁹. Далее мы читаем небольшую биографию Симона, где описывается его приход в монастырь, жизнь в нём и славная кончина. Интересно, что Б. К. Зайцев в житийном очерке очень практично подходит к описанию значения роли архимандрита смоленского для Троицкого монастыря. Он пишет, что тот «первый принес в монастырь и средства»²¹⁰.

Глава «О Иване, сыне Стефана» жития Епифания Премудрого практически не отражена в житийном очерке Б. К. Зайцева. История о поручении Стефаном своего сына, Ивана, на воспитание Сергию носит повествовательный характер и не отвечает учительной задаче текста писателя XX-го века. Гораздо важнее то, что в этой главе мы узнаём подробности формирования сергиевой обители как настоящего монастыря. Епифаний Премудрый вопрошает: «И еще – кто бы мог подумать, что на месте, где был прежде лес, чаща, пустыни, где жили зайцы, лисицы, волки, а иногда и медведи заходили, порою же и бесы бывали, на этом месте ныне церковь

²⁰⁸ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 29.

поставлена будет, и монастырь великий воздвигнется, и иноков множество соберется, и слышно будет славословие и в церкви, и в кельях, и молитва постоянная Богу?»²¹¹. Ряд существительных-синонимов рисует полную картину монастыря преподобного Сергия, позволяет представить его в полной мере.

Здесь агиограф озвучивает те самые качества святого, которые были так важны для Б. К. Зайцева: «поучение Спаса зная, он смирял себя, и ниже всех ставил себя, и собой пример всем подавал»²¹², «старался быть учителем и исполнителем»²¹³, «всех он принимал с усердием и с радостью»²¹⁴, «Сергий заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся»²¹⁵ и прочее. Епифаний Премудрый прямо не называет свойства характера Сергия Радонежского, но позволяет читателю сделать вывод, исходя из подробного описания его поступков.

Глава «Об избытии всего нужного» повествует о бедности монашеской обители Сергия Радонежского. Здесь Епифаний Премудрый даже указывает некоторые бытовые детали, пытаясь тем самым объяснить сложившуюся ситуацию: «Долгое время и дороги хорошей не было к месту этому, но по одной узкой, и плохой, и неудобной дороге, как по бездорожию, вынуждены были приходить к монастырю»²¹⁶. Топос дороги в данном фрагменте вписывается в стиль «плетения словес» – книжник делает особый акцент на этом понятии, чтобы показать слабую связь монастыря с внешним миром. Епифаний Премудрый продолжает своё отступление от хода повествования рассказом о том, как заселялись места вокруг монастыря крестьянами. Это

²¹¹ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же.

весьма характерный приём для этого жития – агиограф часто отходит от темы, чтобы лишний раз прославить святого, вернуться в его прошлое или обратиться к будущему, описать результаты его трудов или жизнь людей, на которых повлиял его духовный подвиг.

Сюжет, описанный далее, ещё больше открывает нам образ Сергия Радонежского. На протяжении всего повествования Епифаний Премудрый подчёркивает добродетели святого по нарастающей: он усиливает эмоциональную окраску описаний духовных подвигов святого, акцентируя наше внимание на том, насколько ближе он становится с каждым днём к Богу и ангельскому подобию. Сергей, поработавший на деревенского старца за гнилой хлеб, смутил этим поступком свою братию. Некоторые из них видели чудо, как во время трапезы «из уст Сергия как будто дымок исходил»²¹⁷, и как тяжело достался ему этот хлеб, но всё равно начали роптать на голод.

На их смятение преподобный ответил им долгой речью, что случалось достаточно редко, учитывая его молчание и любовь к труду. Епифаний Премудрый нечасто приводит тексты его проповедей, но они всегда изобилуют цитатами из Священного Писания и носят радикальный характер – произносятся только в случае крайней нужды.

После слов «И у вас сейчас недостает хлеба, и не хватает всякой пищи сегодня, а завтра множеством еды всякой нужной и обильем всякой пищи и питья вы насладитесь: я верю, что не оставит Бог места этого и живущих здесь»²¹⁸ случилось очередное чудо – появился хлеб у ворот монастыря. Святой Сергей показал пример терпения и послушания, научил свою братию «...не роптать в печали и в лишениях, если когда-нибудь случались лишения, или скудость, или недостаток в необходимых вещах»²¹⁹. Это очень показательный момент. Сергей-учитель, учитель, который вдохновлял людей

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

своей праведной жизнью, не случайно был выбран Б. К. Зайцевым для того, чтобы показать пример разрозненному русскому народу послереволюционного времени. Умение «не роптать в печали и лишениях» было основным, чтобы выжить в эмиграции и в заново созданном русском государстве. Епифаний Премудрый пишет: «...все терпели с усердием и с верой, надеясь на Господа Бога, залогом имея преподобного отца нашего Сергия»²²⁰. Эта мысль особенно ярко представлена в житийном очерке Б. К. Зайцева.

Этот сюжет включён писателем XX-го века в главу «Игумен». Б. К. Зайцев, по примеру Епифания Премудрого, даёт полное описание всех лишений, которые испытывали монахи в обители: «Часто не хватало и необходимого: вина для совершения Литургии, воска для свечей, масла лампадного, для переписывания книг, не только что пергамента, но и простой харатьи. Литургию иногда откладывали. Вместо свечей – лучины»²²¹. Интересно, как в связи с этим писатель связывает «быт северный» с современным ему временем: «русская изба с лучиной с детства нам знакома, и в тяжелые недавние годы вновь ожила»²²². В тяжёлые для России годы начала XX-го века люди, по мнению Б. К. Зайцева, снова объединяются, вспоминают старые крепкие устои и собираются вокруг света-лучины. Здесь не только символический смысл, но и вполне реальный – в то революционное время голод среди народа был особенно силен.

Б. К. Зайцев в этом отрывке акцентирует внимание на том, каким образом выживали монахи в таких условиях (в житии Епифания Премудрого такая мысль не прослеживается). Автор житийного очерка пишет, как братия и, в первую очередь, сам Сергей Радонежский не теряли надежду и оставались

²²⁰ Там же.

²²¹ *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // *Зайцев Б. К.* Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 30.

²²² Там же.

людьми при любых обстоятельствах: «Но в Сергиевой пустыни при треске, копоты лучин читали, пели книги высшей святости, в окружении той святой бедности, что не отринул бы и сам Франциск»²²³. Жизнь монастыря продолжалась, несмотря ни на что. Нетрудно отнести это послание и к современникам Б. К. Зайцева.

Отписанные выше сюжеты жития Епифания Премудрого также описаны в этой главе житийного очерка во всех подробностях. Б. К. Зайцев приводит их в виде диалога и не высказывает своих рассуждений на этот счёт. В данном случае он прежде всего *повествователь*. Писатель делает вывод в конце главы: он считает, что эти события послужили той почвой, на которой святой Сергей смог проявить «блистательное» своё качество – скромность. Во всей её полноте.

Следующие главы жития Епифания Премудрого «О бедности одежды Сергия и о некоем крестьянине» и «О изведении источника» почти не присутствуют в житийном очерке Б. К. Зайцева (о них сказано одно-два предложения). Мы полагаем, что агиограф включил их в своё повествование как обязательный рассказ о чудесах, совершаемых святым (чудесное появление князя, вразумление крестьянина, возведение большого источника и пр.). Однако для Б. К. Зайцева чудеса, которые творил преподобный, были не так важны, и он уделял им не так много внимания, о чём мы уже можем судить по тем главам, которые проанализировали выше. Писателя гораздо больше интересует личность святого, пример его жизни и мистического подвига. Он не сомневается, что человек, поднявшись на такую духовную высоту, способен достичь полного единения с собой, с миром и Богом, а значит и способен творить чудеса.

В главе житийного очерка «Св. Сергей Чудотворец и наставник» образ святого «вырастает» в глазах читателя. Б. К. Зайцев начинает повествование

²²³ Там же. С. 31.

так: «Бог тем более поддерживает, окрыляет и заступается за человека, чем больше устремлен к нему человек, любит, чтит и пламенеет, чем выше его *духопроводность*. Ощущать действие этого Промысла может и просто верующий, не святой»²²⁴. Писатель рассуждает о чуде, о его природе и в этом очень явно подражает стилю плетения словес: «*Чудо* есть праздник, зажигающий будни... *Чудо* – победа сверх-алгебры, сверх-геометрии над алгеброй и геометрией школы. Вхождение *чудесного* в будни наши не говорит о том, что законы буден ложны... То, что называем мы "*чудесным*" – совершенно "естественно" для мира высшего, *чудесно* же лишь для нас, живущих в буднях и считающих, что кроме буден ничего и нет. Для моллюска *чудом* было бы услышать музыку Бетховена, для человека в некотором смысле *чудо* – капелька воды под микроскопом»²²⁵. Синтаксический параллелизм, множество метафор, повторов, эмоционально окрашенной лексики – все эти приёмы придают особый, сакральный смысл понятию «чудо». Кроме того, ощущается эффект «невыразимости» всей полноты описываемого понятия, который мы часто замечаем в древнерусских текстах, где присутствует узорчатый стиль «плетения словес». «Звериная», по примеру Епифания Премудрого, цитата про моллюсков, в котором присутствуют современные для эпохи жизни Б. К. Зайцева понятия (музыка Бетховена, микроскоп), кажется нам интересной интерпретацией метафор жития древнерусского книжника. Используя актуальные для послереволюционного времени образы, писатель может наиболее ярко передать своим читателям-современникам сакральность понятия «чудо».

Б. К. Зайцев приводит в пример образ Сергия Радонежского, чтобы показать, какой путь приводит человека к чуду: «Преподобный Сергий, в ранней полосе подвижничества, не имел видений, не творил чудес. Лишь

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. С. 32.

долгий, трудный путь самовоспитания, аскезы, самопросветления приводит его к чудесам»²²⁶.

В этой части житийного очерка также совмещены главы «О воскрешении отрока молитвами святого» и «О бесноватом вельможе» из жития Епифания Премудрого. Следует отметить, что Б. К. Зайцев абсолютно следует логике повествования древнерусского книжника, однако объединяет некоторые главы по собственному «тематическому» признаку.

Епифаний Премудрый в главе «О бесноватом вельможе» пишет: «После этого по Божьей благодати великим стал Сергей общим *помощником* для всех»²²⁷. Именно как помощника, народного святого воспринимали преподобного и его современники, и люди, живущие в наше время. Эпизод с птицами, описанный в этой же главе, завершается словами: «И голос был слышен, говорящий: «Как много ты видел птиц этих, так умножится стадо учеников твоих и после тебя не истощится, если они захотят по твоим стопам идти»²²⁸. Это видения Сергея, к тому времени уже старца, становится высшей точкой его «чудотворчества». На него спускается настоящая зримая Божья благодать, её видят все и передают о ней славу. Так Сергей становится не только монахом, иноком, игуменом и настоятелем монастыря. Духовный подвиг святого распространяется далеко за пределы его обители.

Повествуя об этих чудесах, Б. К. Зайцев включает в текст множество собственных рассуждений. Писатель упоминает о великом множестве «посетителей» и «просителей» заступничества как о носителях характерного для русской души качества. Он пишет: «Вообще в живой душе крепко сидит

²²⁶ Там же. С. 33.

²²⁷ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²²⁸ Там же.

стремление к очищению и "направлению"²²⁹. Б. К. Зайцев вспоминает многочисленные паломничества русских писателей (Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, В. Соловьёва) к Оптиной пустыни, вместе с которыми паломничества совершали и простые крестьяне со следующими запросами: «выдавать ли замуж дочку, да как лучше прожить с мужем»²³⁰. Не забывает писатель и о трудных годах революционного переворота: «А в революцию и к простым священникам приходили каяться красноармейцы – и в кощунствах, и в убийствах»²³¹. Б. К. Зайцев считает Сергия Радонежского основоположником старчества на Руси.

После повествования о чудесах святого Епифаний Премудрый приводит главу «О создании общежительства», где святой Сергей показан уже не только как монах, но и как общественный и политический деятель.

Агиограф повествует о том, как преподобный получил из рук константинопольских греков дары святейшего патриарха: «крест, и параманд, и схиму»²³². По совету владыки Сергей Радонежский устраивает вокруг своего монастыря настоящее общежительство – распоряжается хозяйством, назначает на церковную службу и делает это как «благоразумный отец»²³³. Преподобный принимал странников, бедных, имел много учеников и последователей. Епифаний Премудрый пишет эту главу на удивление коротко и поясняет: «Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует»²³⁴.

²²⁹ Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 35.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²³³ Там же.

²³⁴ Там же.

В главе житийного очерка «Общежитие и тернии» мы видим краткое описание главы «О бедности одежды Сергия и о некоем крестьянине» из жития Епифания Премудрого. Здесь идёт рассказ о том, как крестьянин принял преподобного за нищего и убогого старичка. Пришелец стал просить прощения, на что Сергий ответил ему: «Не скорби, чадо; ты один справедливо рассудил обо мне; ведь они все ошибаются»²³⁵.

Простота и серьёзность святого вызывают восхищение Б. К. Зайцева. Это настроение автора мы замечаем в его экспрессивно окрашенных метафорах, наполненных многочисленными символами. Так, сравнивая отсутствие улыбки у Сергия Радонежского с теплотой улыбки Серафима Саровского и Св. Франциска, писатель оправдывает преподобного: «В нем нет грусти. Но как будто бы всегда он в сдержанной, кристально-разреженной и прохладной атмосфере. В нем есть некоторый север духа»²³⁶. Упоминание о прохладном духе Сергия мы уже встречали ранее. Именно северная сдержанность, наполненная духовным содержанием, была так важна для Б. К. Зайцева. Неслучайно мы замечаем похожее настроение в его очерке «Остров Валаам». В конце концов, именно из этих мест берёт начало Святая христианская Русь.

Б. К. Зайцев также подробно описывает становление монастыря как общины. Он говорит, что изначально обитель существовала как особножитная, по греческому образцу. Однако, это привело к тому, что «Возникла разность в положении монахов, зависть, нежелательный дух вообще»²³⁷. В житии Епифания Премудрого мы таких подробностей не замечаем. Именно устройство монастыря по типу раннехристианской общины

²³⁵ Там же.

²³⁶ *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 38.

²³⁷ Там же.

даёт начало русской соборности. Идея объединения русского народа является одной из основных в творчестве Б. К. Зайцева.

Автор житийного очерка, в отличие от агиографа, подробно описывает создание общинности на месте монастыря. Писатель приводит новые «должности» людей и их обязанности, говорит, как разрасталось хозяйство вокруг монастыря и какие это приносило плоды. Б. К. Зайцев пишет: «Порядок жизни в келиях остался прежний: молитва и работа. Как обычно, Сергей первый подавал пример»²³⁸.

В этом фрагменте писатель опирается не только на житие Епифания Премудрого – он вспоминает факты из истории, приводит книги, которые создавались в монастыре при жизни преподобного.

Сама глава, напомним, называется «Общежитие и трения». О проблемах монастыря Б. К. Зайцев пишет: «Мы ничего не знаем ясно о "трениях" из-за общежития. Ни Епифаний, ни летопись ничего не говорят об этом»²³⁹. Однако, следующая глава жития Епифания Премудрого, «об основании монастыря на реке Киржач», начинается с одного из этих «трений». Епифаний пишет об этом следующим образом – кратко и ёмко: «В скором времени вновь началось смятение»²⁴⁰.

Дальнейшее повествование о том, как его брат, Стефан, взял книгу без ведома Сергия, от «другого игумена». Тот покинул обитель и ушёл в Кинелу, где основал новый монастырь на реке Киржач. Епифаний премудрый пишет: «Некоторые из монастыря Святой Троицы, не вынося с духовным учителем разлуки и любовью великой возгоревшись, пошли в город к митрополиту»²⁴¹. Сергей вернулся в монастырь Святой Троицы, оставив игуменом на Киржаче

²³⁸ Там же. С. 40.

²³⁹ Там же. С. 39.

²⁴⁰ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²⁴¹ Там же.

Исаакия-молчальника. Преподобный совершил чудо в отношении монаха – он благословил того на молчание, и «некое огромное пламя вышло из руки Сергия и всего Исаакия окружило»²⁴². Здесь мы замечаем отсылку к благодатному огню, «свету истинному».

Этот сюжет подробно описан Б. К. Зайцевым в вышеупомянутой главе «Общежитие и терни». Особенно важными нам представляются рассуждения писателя на этот счёт. Он подробно рассказывает, что поступок Сергия не был «"нервным", вызванным внезапным, острым впечатлением»²⁴³. Писатель аргументирует: «Мы можем лишь почтительно предполагать: так сказал внутренний голос. Ничего внешнего, формального. Ясная, святая вера, что "так будет лучше"»²⁴⁴. Б. К. Зайцев призывает читателя не судить Сергия по внешней стороне его поступка, а обратиться к его внутреннему содержанию.

Интересно Б. К. Зайцев отзывается о возвращении святого в монастырь по просьбе братии. Он пишет: «Сергий победил – просто и тихо, без насилия, как и все делал в жизни. Не напрасно слушался голоса, четыре года назад сказавшего: "Уйди". Победа пришла не так скоро. Но была полна. Действовал он тут не как начальник, как святой. И достиг высшего. Еще вознес, еще освятил облик свой, еще вознес и само православие, предпочтя внешней дисциплине – свободу и любовь»²⁴⁵. Здесь мы снова замечаем приём парцелляции в построении предложения. Этими словами заканчивается глава – это серьёзное и «громкое» её завершение. Сергий ушёл, чтобы распространить свою благодать за пределами, а после вернулся и «достиг высшего». Нам кажется необоснованным мнение, что святой «от гнева» оставил монастырь и свою братию. На наш взгляд, это является следствием

²⁴² Там же.

²⁴³ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 41.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. С. 42.

приверженности к «внешней дисциплине», которую, судя по творческому наследию, так не любил в людях Б. К. Зайцев. Писатель подчёркивает, что «гневное» поведение Сергия Радонежского было следствием особого божественного замысла.

Следующая глава жития Епифания Премудрого повествует нам о епископе Стефане. Об этой и других главах, «Начало Андроникова монастыря», «Начало Симоновского монастыря», «О видении ангела, служащего с блаженным Сергием», «О победе над Мамаем и о монастыре на Дубенке», «О Голутвинском монастыре», «О монастыре Высоком» Б. К. Зайцев говорит мало, упоминает их вскользь только в конце очерка. В житии Епифания эти главы имеют ярко выраженный повествовательный характер: агиограф в деталях описывает кем были основаны монастыри и какую роль в этом сыграл Сергей Радонежский. Однако, Б. К. Зайцева в этих главах интересует не процесс создания монастырей, а сам факт их основания как вклад Сергия в русское православное монашество.

В житийном очерке глава «Преподобный Сергей и церковь» играет особую роль. В ней собраны факты отечественной истории, различные фрагменты жития Епифания Премудрого и множество размышлений писателя о Сергии Радонежском как члене русской православной Церкви. Б. К. Зайцев пишет: «Можно так, вкратце, определить положение церкви времен Сергия: мир в идеях, действительность в политике»²⁴⁶. Автор житийного очерка связывает Церковь эпохи Московской Руси во времена позднего монголо-татарского нашествия с судьбой преподобного Сергия, противопоставляет его служителям церкви, которые избрали для себя путь «жить при дворе, в Москве, властвовать, иногда вести интриги, назначать, смещать, грозить»²⁴⁷.

²⁴⁶ Там же. С. 44.

²⁴⁷ Там же.

Б. К. Зайцев подчёркивает, что «он послушный сын церкви, но не генерал её»²⁴⁸.

В этой главе Б. К. Зайцев пытается найти ответ на риторический вопрос: как моральный авторитет Сергия мог противостоять высшему церковному духовенству? Примечательно, что Епифаний Премудрый не противопоставляет преподобного другим служителям церкви, как делает это писатель XX-го века: они для него представляют единое целое, русскую Церковь. Однако, Б. К. Зайцев в этом «противостоянии» возвышает образ святого Сергия Радонежского, указывая на то, что даже русские и константинопольские митрополиты обращались к нему за помощью и духовной поддержкой. Святость преподобного, мудрая, тихая, притягивала к себе людей всех сословий и чинов.

Следующая глава житийного очерка называется «Сергий и государство». Она достаточно большая и по объёму текста, и по смыслу, которые мы в ней находим. Здесь Б. К. Зайцев опирается на главу из жития Епифания Премудрого – «О победе над Мамаем и о монастыре на Дубенке». В то время, когда агиограф даёт описание Мамаева побоища как предпосылку к основанию нового монастыря, автор житийного очерка кратко обращается ко всей истории монголо-татарского ига на Руси. Б. К. Зайцев пишет: «Идут два процесса: разлагается Орда, крепнет молодое русское государство. Орда дробится, Русь объединяется»²⁴⁹. Синтаксический параллелизм здесь контрастно показывает разницу между политическими процессами, происходившими в то время на Руси и в Орде. Автор описывает победы и поражения русских князей, их междоусобицы и государственные дела, и делает это с точностью настоящего древнерусского летописца. Интересно, что писатель отдельно упоминает Церковь как союзницу Москвы.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. С. 45.

Б. К. Зайцев рисует здесь житийную икону святого не только как основателя русского православного монашества, но и как защитника земли русской. Он пишет: «За простоту и чистоту ему дана судьба, далекая от политических хитросплетений. Если взглянуть на его жизнь со стороны касанья государству, чаще всего встретишь Сергия – учителя и ободрителя, миротворца»²⁵⁰. Сергий-миротворец для русского народа был настоящим медиатором между небесным миром и земным, между Богом и человеком. Он выступал как выразитель Божественной воли, его авторитет был непреложен, а к словам его прислушивались все.

О благословлении Сергия Радонежского князя Дмитрия Донского на битву Б. К. Зайцев отзывается особенно полно. Он вопрошает: «Благословил бы на войну, даже национальную – Христос?»²⁵¹. Писатель постоянно задаёт читателю риторические вопросы – его очерк носит учительный характер, а это значит, что такая форма повествования позволяет больше задуматься над происходящим и, найдя ответы на поставленные вопросы, сделать свои собственные выводы. Б. К. Зайцев объясняет читателю, беседует с ним: «Он не за войну, но раз она случилась, за народ и за Россию, православных. Как наставник и утешитель, Параклет России, он не может оставаться безучастным»²⁵². В очередной раз создаётся впечатление, что он даёт оправдание некоторым поступкам Сергия Радонежского, которые его современники могли бы неправильно истолковать. Б. К. Зайцев так отзывается об исходе этой битвы: «Самая победа – грандиозна, и значение ее, прежде всего, моральное: доказано, что мы, мир европейский, христианский, не рабы, а сила, и самостоятельность»²⁵³.

²⁵⁰ Там же. С. 47.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. С. 48.

²⁵³ Там же.

Ещё одно описание участия Сергия в политической жизни страны приводит Б. К. Зайцев – рассказывает, как тот бесстрашно пошёл пешком с миссией миротворца к Олегу Рязанскому, врагу Москвы и союзнику Орды. Автор житийного очерка пишет: «...победил Сергей – старичок из Радонежа, семидесятилетними ногами по грязям и бездорожью русской осени отмеривший верст двести»²⁵⁴! Метафора про «бездорожье» русской осени как нельзя лучше описывает моральный облик Руси в ту эпоху – святой как настоящий странник прокладывал дороги от места к месту, от человека к человеку, от Бога ко всей Святой Руси.

В житии Епифания Премудрого после описания основания монастырей учениками Сергия мы читаем главу «О том, как хотели святого возвести на митрополию». Блаженный митрополит Алексей склонял преподобного принять сан вместо него, но тот был «как твердый алмаз, никак нельзя было к этому склонить»²⁵⁵.

Глава житийного очерка «Вечерний свет» повествует о закате жизни преподобного. Метафора вечера здесь относится к концу земного пути Сергия Радонежского, а светом выступает он сам – светом, которому суждено было не погаснуть, а навсегда остаться частью Церкви. Этот фрагмент начинается с минорного описания конца жизни русских князей: «Люди борьбы, политики, войны, как Димитрий, Калита, Олег, нередко к концу жизни ощущают тягость и усталость. Утомляют жалкие дела земли. Страсти расшатывают. Грехи томят»²⁵⁶. Б. К. Зайцев описывает вторую половину жизни святого, где он был

²⁵⁴ Там же. С. 51.

²⁵⁵ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²⁵⁶ Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 53.

«настолько просветлен, пронизан духом, еще живой преображен, что уже выше человека»²⁵⁷.

Повествования об основании его учениками монастырей, которые описал Епифаний Премудрый, здесь помещаются в несколько абзацев. Писатель часто цитирует житие агиографа, не нарушая логику повествования.

Показателен эпизод явления Богородицы Сергию Радонежскому. В житии Епифания Премудрого это событие описано в главе «О посещении Богоматерью святого». Совершая молитву, преподобный почувствовал, что «видение чудесное и ужасное будет нам в сей час»²⁵⁸. Появление Богородицы Епифаний Премудрый описывает как великую благодать, используя стиль «плетения словес»: «И вот свет ослепительный, сильнее солнца сияющий, ярко озарил святого»²⁵⁹. Нанизывание синонимов «светоносных» создаёт впечатление невыразимости того света, который явился преподобному и его ученику. Богородица пообещала Сергию своё покровительство и заступничество и «охватила их радость несказанная»²⁶⁰. Удивительно, сколько экспрессивной лексики использует Епифаний Премудрый в этом отрывке, как живописно он показывает смятение души, восторг, радость, охватившие Сергия Радонежского и его ученика.

Продолжая говорить о главе «Вечерний свет» из житийного очерка Б. К. Зайцева, отметим, что этот эпизод показан в ней особенно ярко. Читаем: «Свет и огонь! Легкий небесный пламень как бы родствен, дружен теперь с Преподобным»²⁶¹. Писатель очень подробно описывает эпизод явления

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 52.

Богоматери, не пропуская ни одной детали. Всё потому, что именно после этого события, по мнению Б. К. Зайцева: «На высоте, достигнутой им, Преподобный долго жить не мог»²⁶².

Следующие главы жития Епифания Премудрого писатель XX-го века почти не освещает. Повествование «О епископе, пришедшем увидеть святого» Б. К. Зайцев тематически отнёс к главе «Св. Сергей Чудотворец и наставник», описав кратко её события. Глава «О исцелении мужа молитвами святого» в житийном очерке не присутствует, равно как «Опознание человека, попробовавшего посланную еду». Рассказ «О лихоимце» очень кратко описан Б. К. Зайцевым в главе «Св. Сергей Чудотворец и наставник». Мы связываем это с тем, что события, описанные в этих главах, не побуждали писателя делать определённые «поучительные» выводы. В тексте житийного очерка они служили в качестве иллюстраций тех или иных чудес и душевных качеств святого, дополняли его «деятельный», чудотворный облик.

«О видении божественного огня» Б. К. Зайцевым сказано также немного, в главе «Вечерний свет». Монах Симон увидел божественный огонь во время причастия преподобного. Он говорит: «Господин! Я видел чудесное видение, как благодать Святого Духа содействует тебе»²⁶³. Сергей же запретил говорить ему об этом до самой своей смерти. В житии Епифания Премудрого этот рассказ предваряет главу «О кончине святого».

Агиограф начинает с очередного описания духовного пути преподобного, святость которого возрастала с каждым днём: «И чем больше старел он, тем больше укреплялся и возвышался, в усердии божественных

²⁶² Там же. С. 54.

²⁶³ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

подвигов мужественно и с любовью упражнясь, и никак его старость не побеждала»²⁶⁴.

Узнав о своей скорой кончине и передав свои полномочия ученику, Никону, Сергей Радонежский начал безмолвствовать, чтобы провести последнее своё земное время в молитве. Епифаний Премудрый называет его «великий подвижник в вере благочестивейший, недремлющий хранитель, непересыхающий источник, славный именем»²⁶⁵. Множество синонимичных именовании даёт ему агиограф, помня о невыразимости высоты святости Сергия Радонежского, которой тот достиг к концу своей жизни.

Узорчато описывает Епифаний Премудрый последнюю беседу Сергия с братией, подробно пересказывает его наставления: быть смиренными, страннолюбивыми и «от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения»²⁶⁶. С молитвой отошёл преподобный, и агиограф даже называет точную дату его смерти – «в год 6900 (1392) месяца сентября в 25 день»²⁶⁷.

Далее Епифаний Премудрый описывает особое благоухание от тела святого, а также те чудеса, которые совершались после его кончины. Агиограф пишет: «После кончины перед ним летели ангелы к небесам, двери открывая ему райские и в вожденное блаженство вводя, в покой праведных, в свет ангельский; и увидел святой то, о чем мечтал, и всесвятой Троицы озарение получил, как подобает постнику, иноков украшению»²⁶⁸. После смерти Сергей обрёл «ангельское подобие», черты которого отмечал в нём Епифаний Премудрый на протяжении всего повествования. Это своего рода сквозной мотив текста.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

Заканчивается глава многочисленными риторическими вопросами, главный из которых «Ведь кто сможет по достоинству святого прославить?»²⁶⁹.

Б. К. Зайцев в главе «Вечерний свет» очень кратко описывает кончину святого – болезнь, беседу и смерть. Заканчивает он словами: «Он и в последнюю минуту прежний Сергей: завещал похоронить себя не в церкви, а на общем кладбище, среди простых»²⁷⁰. Писатель не рассказывает о чуде благоухания тела святого – он подчёркивает, как просто ушёл святой, оставаясь собой и не изменяя своим принципам до конца жизни.

Заканчивается житие Епифания Премудрого «Словом похвальным преподобному Отцу нашему Сергию создано было учеником его, священноиноком Епифанием». В соответствии с житийным каноном, агиограф просит небесного заступничества перед Богом и снова обращается к самоуничижительным формулам. Прославляя святого, Епифаний Премудрый использует витиеватый стиль «плетения словес»: «он, хотя был человек, подобный нам, но больше нас Бога возлюбил, и все прелести мира этого, как прах, отверг и презрел, и усердно за Христом последовал, и Бог возлюбил его; так как он угодить Богу искренне старался, Бог возвеличил и прославил его»²⁷¹.

Здесь же мы можем увидеть полный портрет личности преподобного, собранного Епифанием Премудрым. Он не отделяет качества Сергия тех деяний, которые тот совершил в земной жизни. Для древнерусского книжника все дела святого – результат его добродетелей и божественной благодати.

²⁶⁹ Там же

²⁷⁰ Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 55.

²⁷¹ Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).

Читаем: «старец чудесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий, милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; он был отцам отец и учителям учитель, предводитель вождям, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала, молчальникам поддержка, иереям красота, священникам благолепие, настоящий вождь и неложный учитель, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник, умный правитель, всеблагой руководитель, истинный кормчий, заботливый врач, прекрасный заступник, священный очиститель, создатель общежительства, милостыню подающий, трудолюбивый подвижник, в молитвах крепкий, и чистоты хранитель, целомудрия образец, столп терпения; он прожил на земле ангельской жизнью и прославился в земле Русской, как звезда пресветлая; великая его добродетель многим людям на пользу была, для многих спасение, для многих успех душевный, для многих поддержка, для многих опора»²⁷². Епифаний Премудрый описывает Сергия не только как украшенного добродетелями человека – он упоминает его заслуги перед Церковью, обществом, государством.

Следует отметить, что кроме описания душевных качеств преподобного, Епифаний Премудрый даёт нам представление о его внешнем виде: «его внешность честная была прекрасна ангельской сединой, постом он был украшен, воздержанием сиял и братолюбием цвел, кроткий взором, с неторопливой походкой, с умиленным лицом, смиренный сердцем»²⁷³. Чаще всего люди, отмеченные Божьей благодатью, обладали и выдающимися

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же.

внешними данными. Это было весьма распространено в житийной литературе и, в частности, в культуре средневековой Руси.

Агиограф подчёркивает, что своё повествование он писал «для новорожденных младенцев и молодых отроков, у которых еще детский ум»²⁷⁴. Как у Б. К. Зайцева, у Епифания Премудрого была учительная задача. Однако, он хотел, чтобы жизнь преподобного стала примером для юных, научила их правильно жить, трудиться и стяжать добродетели. Б. К. Зайцев же видел своими читателями людей взрослых, преимущественно эмигрантов, которым духовный подвиг Сергия Радонежского должен был показать пример силы духа, возродить утраченную надежду и светить «немеркнущей звездой»²⁷⁵.

Похвальное слово содержит подробности о смерти святого, о том, как долго оплакивал его кончину русский народ и с какими молитвами обращался к преподобному. Завершается текст цитатами из священного писания и традиционным для жанра жития словом – «Аминь».

Житийный очерк Б. К. Зайцева заканчивается не похвальным словом, а глубоким размышлением писателя о личности Сергия. Обратимся к последней главе – «Дело и облик». Б. К. Зайцев в самом начале упоминает главное наследие святого – Троице-Сергиевой Лавре, которая сформировалась на месте некогда пустынной обители. Далее читаем его слова о преподобном: «кто меньше всех "вкусил меда" от жизни – более всех дал его другим»²⁷⁶. Б. К. Зайцев связывает судьбу Сергия Радонежского с судьбой Руси того времени, называет основанную им Лавру «узел духовного излучения, питательный источник для всего рождающегося государства»²⁷⁷. Писатель вспоминает учеников Сергия, продолжателей его дела, монахов-плотников,

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. С. 18.

²⁷⁶ Там же. С. 56.

²⁷⁷ Там же.

которые пошли его путём и заложили крепкие основы русского православного монашества – аскетичного и соборного. «Учительный старец» в тёмные времена для Руси стал настоящим светом, и вознёсся над нею для того, чтобы приблизить как можно больше людей к Богу и праведной жизни.

Интересно размышление Б. К. Зайцева относительно ордынского ига во времена Московской Руси. Он пишет: «Ханы величайше ошибались, покровительствуя духовенству русскому, щадя монастыри. Сильнейшее – ибо духовное – оружие против них готовили "смирненные" святые типа Сергия, ибо готовили и верующего, и мужественного человека»²⁷⁸. Дух Святой Руси, зревший в монастырях и церквях, смог победить захватчиков и освободил народ. На почве революционного переворота в России начала XX-го века многие современники Б. К. Зайцева сравнивали большевиков с Ордой. Возможно, поэтому так явно призывает писатель каждого русского человека обратиться к примеру Сергия Радонежского и его братии, совершить духовный подвиг и возвыситься над захватчиками. Возможно, Б. К. Зайцев видел в этом решение и выход. Особенно, учитывая тот факт, что этот житийный очерк был написан в 1924 году. А это значит, что и у самого Б. К. Зайцева, и у большинства его современников-эмигрантов была надежда вернуться на Родину. И увидеть ту страну, которой она была когда-то.

Заканчивает писатель свой очерк, используя кольцевую композицию – он вновь возвращается к отроку Варфоломею. От юноши он ведёт нить к современной России, к тому времени, когда «Ушли князья, татары и монахи, осквернены мощи: а облик жив, и так же светит, учит и ведёт»²⁷⁹. Б. К. Зайцев пишет: «Через пятьсот лет, всматриваясь в его образ, чувствуешь: да, велика Россия. Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной, мы можем жить»²⁸⁰. Древнерусский книжник, решив записать житие святого, увековечил

²⁷⁸ Там же. С. 58.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же. С. 59.

образ Сергия Радонежского, подарив потомкам бесценный пример праведной жизни.

Епифаний Премудрый в похвальном слове подробно описывает качества и облик Сергия, а Б. К. Зайцев делает это на протяжении всего повествования. Ближе к концу он пишет о запахе святого: «чистотой, простотой, ароматнейшей стружкой веет от Преподобного. Сергей – благоуханнейшее дитя Севера»²⁸¹. Писатель неоднократно называет святого «северным» святым, от которого веет прохладой.

Описание святого в житийном очерке происходит на всех уровнях – визуальном и личностном (внутреннем). Показательно описание даже «запаха» преп. Сергия. Так, по детальной характеристике личности, его присутствие в жизни потомков ощущается так явно, словно он живёт с ними в одно время. Б. К. Зайцев видел в преподобном в первую очередь человека, а не церковного деятеля. Делая своего героя максимально приближенным к земным заботам и трудам во имя Господа, Б. К. Зайцев пытается увидеть неразрывную связь литературы и культуры Руси средневековой и Руси новой, пусть даже сознательно порвавшей с прошлым. И именно святой Сергей Радонежский как одна из значительных фигур в сонме русских святых должен эту порванную нить, по мысли писателя, соединить.

²⁸¹ Там же. С. 58.

Заключение:

В творчестве Б.К. Зайцева эмигрантского периода образ преп. Сергия Радонежского сыграл одну из важных ролей. Для писателя тема покинутой родины выразилась в его творчестве с особенной остротой. Б.К. Зайцев обращается к героям русской истории и русской Церкви. Он стремится напомнить о русской святости, о духовных началах русского народа в беспокойное и тревожное время перелома в XX веке. Ему важно не потерять эту духовную связь. Именно в преп. Сергии Радонежском, в его облике и монашеском подвиге он видит надежную опору для потерявшего родину человека.

Очерк Б.К. Зайцева строится на тексте «Жития преп. Сергия», составленном в нач. XV века Епифанием Премудрым, одной из ярких фигур русской средневековой литературы, представителя стиля «плетение словес» как отражения так называемого Второго южнославянского влияния. Это эпоха после Куликовской битвы, когда объединенные силы великоордынского хана Мамай потерпели поражение от русских войск под началом великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского). И хотя победа на Куликовом поле не стала еще полной победой над Ордой, но она усилила авторитет московского великого князя и показала, что на Руси есть силы, готовые противостоять Орде.

Мы попытались сопоставить между собой эти два текста, при всем их различии, учитывая и разницу эпох, в которые писались оба произведения, и авторский взгляд на события Епифания Премудрого и Бориса Зайцева. При, казалось бы, внешнем сходстве, которое определяется прежде всего самой фигурой преп. Сергия Радонежского, наше сопоставление выявило определенные различия. Цикл древнерусских повестей о Куликовской Битве объясняет причину победы русских войск на Куликовом поле, помимо объединения князей и помощью князя Владимира Серпуховского,

выступившего в решительный момент со своим засадным полком, но и заступничеством Божиим – святой Богородицы (напомним, что битва совершилась в день праздника Успения пресвятой Богородицы) и святых страстотерпцев, покровителей русского княжеского рода Бориса и Глеба. В этом контексте фигура преп. Сергия Радонежского приобретает особый духовный смысл – он благословил Дмитрия Ивановича на ратный бой. С этого момента образ святого Сергия становится в русской культуре неким образцом праведника, воплотившего собой лучшие христианские добродетели. Житие его написано Епифанием Премудрым с соблюдением основных житийных топосов, характерных для этого жанра древнерусской литературы. Мы узнаем о благочестивых родителях будущего святого, о его детстве простого крестьянского мальчика (и этим он близок народному восприятию святости), отправившегося на поиски заблудившейся домашней скотины и неожиданно встретившего в лесу мудрого старца, предсказавшего ему, отроку Варфоломею, его истинное призвание.

Борис Зайцев в основе следует, как мы показали, за композиционной структурой жития, но при этом вносит в осмысление образа преп. Сергия своё.

В житийном очерке «Преподобный Сергей Радонежский» Сергей Радонежский представлен больше как человек, нежели как святой. Б. К. Зайцев наделяет святого множеством человеческих качеств и больше акцентирует внимание на результатах и процессе его каждодневного труда. Писатель наполняет образ святого «живым» содержанием, опираясь на схему житийного описания преподобного. Борис Зайцев меньше уделяет внимание чудесам святого, чем Епифаний Премудрый, и часто включает в свой текст повествования об исторических событиях. В этом роде житийный очерк сближается с зайцевскими биографиями – не только жинеописание святого, но и рассказ о контексте эпохи, в которую он жил, позволяет представить его духовный путь в полной мере.

Стилистические особенности жития древнерусского книжника частично присутствуют в очерке «Преподобный Сергей Радонежский». Б. К. Зайцев использует стиль, близкий к «плетению словес», в особенно напряжённых, эмоциональных моментах. Например, когда идёт повествование о личности святого, его духовных подвигах и чертах характера.

Борис Зайцев наглядно показывает нам жизненный путь Сергия: как он из скромного, неучёного отрока превратился в игумена земли русской и политического деятеля. По примеру Елифания Премудрого, писатель называет его заступником, учителем, который прожил простую жизнь и научил русский народ простым вещам: труду, вере и благоговению. И продолжает учить до сих пор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Житие Сергия Радонежского [Электронный ресурс] / подг. текста и коммент. Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1997. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 05.10.2020).
2. *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергей Радонежский / Сост. Т. Ф. Прокопов; Примечания Т. Ф. Прокопова // Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. 526 с.

Научная литература:

1. *Адамович Г.* Борис Зайцев // *Одиночество и свобода.* СПб: Алетея, 2002. 476 с.
2. *Архимандрит Керн К.* Литература и жизнь. Борис Зайцев // *Возрождение.* Париж, 1951. № 17. С. 160.
3. *Безатосная О. М.* Образ Сергия Радонежского в рассказе Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики.* 2014. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sergiya-radonezhskogo-v-rasskaze-b-k-zaytseva-prepodobnyu-sergiy-radonezhskiy> (дата обращения: 30.04.2021).
4. *Богач Е. С.* К вопросу о сущности искусства в младосимволизме и акмеизме // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2008. №22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-iskusstva-v-mladosimvolizme-i-akmeizme> (дата обращения: 17.02.2021).
5. *Брюсов В.* Борис Зайцев. Рассказы. СПб., изд. "Шиповник", 1906. // *Золотое руно.* М.: 1907. № 1. С. 77-78.

6. *Ветрова М. В.* Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергей Радонежский" // Культура народов Причерноморья, 2001. № 23. С. 139-149.
7. *Волжский (Глинка А. С.)* Литературные заметки (о рассказах гг. Б. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева) // Вопросы жизни, январь 1905, №1, С. 272-291.
8. *Гиппиус З. Н. Б. К. Зайцев.* Преподобный Сергей Радонежский / Мечты и кошмар (1920-1925) СПб.: ООО "Издательство "Росток", 2002.
9. *Грибановский П. В.* Борис Зайцев о монастырях // Вестник РСХД, 1976. №Ц7.
10. *Зайцев Б. К.* Афон / Зайцев Б. К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000. 526 с. С. 83.
11. *Зайцев Б. К.* Библиография / сост. Р. Герра. под ред. Т.А. Осоргиной. Париж, 1982.
12. *Зайцев Б. К.* Дневник писателя / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. М.: Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2009. 208 с.
13. *Зайцев Б. К.* Дни / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000.
14. *Зайцев Б. К.* «Достоевский и Оптиная Пустынь» / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. 526 с.
15. *Зайцев Б. К.* Другая Вера / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999.
16. *Зайцев Б. К.* Оптиная Пустынь // Возрождение, 1929. № 1608.
17. *Зайцев Б. К.* О себе / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 615 с.

18. *Зеньковский В. В.* Религиозные темы в творчестве Б. К. Зайцева // Вестник русского студенческого христианского движения, Париж, 1952. С.14-19.
19. *Иванова Е. В., Щербаков Р. Л.* Альманах В. Я. Брюсова «Русские символисты»: судьба участников // Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX-XX вв. Блоковский сборник XV. Тарту: Tartu University Press, 2000. С. 33-75.
20. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. СПб.: Дм. Буланин, 2003.
21. *Любомудров А. М.* Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII-XIX веков / под ред. Ю. В. Стенника. СПб., 1992. С. 267-268.
22. *Любомудров А. М.* Святая Русь Бориса Зайцева / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. 526 с.
23. *Пак Н. И.* Древнерусская культура в художественном мире Б. К. Зайцева: монография. М.; Калуга: МПГУ, КГПУ, 2003. 180 с.
24. *Полтавская Е. А.* Художник и время: послереволюционная действительность в восприятии Б. Зайцева // БГЖ, 2016. №1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhnik-i-vremya-poslerevoljucionnaya-deystvitel'nost-v-vozprijatii-b-zajtseva> (дата обращения: 31.01.2021).
25. *Прокопов Т. Ф.* "Все написанное мною лишь Россией и дышит..." / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 2. Улица святого Николая. Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. 540 с.
26. *Руднев А. С.* Среды на покровском бульваре // Литературная Россия, 2020. №39.
27. *Синельникова Г. П.* Нежитие Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Культура и текст, 2005. №9. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/neozhitie-b-zaytseva-prepodobnyy-sergiy-radonezhskiy> (дата обращения: 30.03.2021).

28. *Степанова Т. М.* Художественный мир публицистики русского зарубежья. Борис Зайцев: монография. М: Изд-во МГОУ, 2004. 327 с.
29. *Струве Н. А.* Писатель-праведник / Зайцев Б. К. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. М.: Русская книга, 2000. 526 с.
30. *Судиловский А.* Эмигрант. Борис Зайцев // Фильм из цикла «Русские в мировой культуре». М.: Киностудия «Русский путь», 2013.
31. *Топорков А. Н.* О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно, 1907, №10, С. 46-49.
32. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / коммент. С. С. Бычкова, перевод с церковносл. В. М. Савина. М.: Московский рабочий, 1990. 121 с.
33. *Федякин С.* Икона мира писателя Бориса Зайцева (интервью) // Известия. URL: <https://iz.ru/news/603856> (дата обращения: 30.01.2021).
34. *Флоренский П. А.* Православие / Христианство и культура. М.: Фолио, 2001. 672 с.
35. *Цетлин М.* Борис Зайцев. «Золотой узор» // Современные записки, 1926. №28. С. 473-474.

36. *Абрамова И. Ю.* Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетения словес» (на материале житий XIV-XV вв.): автореф. дисс. к.ф.н. Нижний Новгород, 2004. 25 с.
37. *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ, М., Л., 1964. С. 29-40.
38. *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 118 с.

39. *Бьянки Э.* «Человек Божий» в средневековой литературе: святой Франциск Ассизский и преподобный Сергей Радонежский. Опыт типологического сопоставления / Э. Бьянки, Э. Майнарди // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 54. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 103–115.
40. *Жуляков С. В.* О стиле "плетения словес" в древнерусской литературе XIII века // Хуманитарни Балкански изследвания, 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stile-pleteniya-sloves-v-drevnerusskoy-literature-xiii-veka> (дата обращения: 10.12.2020).
41. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачева и комп., 1871. 476 с.
42. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. СПб: Азбука, 2020. 480 с.
43. *Коломейченко С. В.* Наблюдения над стилем «плетение словес» // Язык и ментальность: сборник статей: серия «Славянский мир». Вып. 5 / отв. ред. М.В. Пименова. СПб: СПбГУ, 2010. С. 170–177
44. *Коломейченко С. В.* «Плетение словес» как способ мелодического оформления «Жития Стефана Пермского» // Вестник ВятГГУ: Филология и искусствоведение, 2012. № 1(2). С. 117–119.
45. *Лихачёв Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 66 с.
46. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. // Избранные работы. В 3 т. Т.1. Л.: Художественная литература, 1987. 656 с.
47. *Лихачев Д. С.* Предвозрождение в русской литературе // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 461-468.
48. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
49. *Лихачёв Д. С.* Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // «Наука и религия», 1998. № 6.

50. *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 186 с.
51. *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. 45 с.
52. *Наделяева Е. П.* Традиции исихазма в русской средневековой культуре. автореф. дисс. к.культ.н. М.: 2004. 25 с.
53. *Петрова В. Д.* К вопросу о древнерусском «Плетении словес» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. №4.
54. *Петрова В. Д.* О содержании термина «плетение словес» в средневековой славянской книжности / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 6 (2), с. 314–320.
55. *Ранчин А. М.* «Плетение словес» в Житии св. Стефана Пермского // Образовательный портал «Слово»: филология. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/42021.php> (дата обращения: 10.12.2020).
56. *Топоров В. Н.* Три века христианства на Руси (XII – XIV вв.): В 2 т. Т.2. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 864 с.
57. *Шуміло С.М.* Молитвенные тексты в агиографии «плетения словес»: к проблеме стиля эпохи // Русская литература. СПб.: Пушкинский дом, 2015.

Справочная литература:

1. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт С. А. Кузнецов, 1998.
2. *Калашиников В. А.* «Среда» // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 7. / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1972. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 12.11.2020)
3. *Лунин Э.* Жития святых // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 4. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. С. 184–189.

4. Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 532-535.
5. Никулина Е. Н. Агиология. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. 312 с.
6. Руди Т. Д. Жития святых / // Православная энциклопедия: В 60 т. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 283-345.
7. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. 516 с.
8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.